

♦ Мария ♦
Пастернак
И охотник
вернулся
с холмов

Мария Пастернак

И охотник вернулся с холмов

«Розовый жираф»

2022

Пастернак М.

И охотник вернулся с холмов / М. Пастернак — «Розовый жираф», 2022

ISBN 978-5-4370-0341-1

Уолден Мак-Грегор – студент, он учится, путешествует с друзьями, подрабатывает на бензоколонке и пишет работу об исторических корнях кельтских мифов. Его собственная семейная история тоже уходит в глубь веков: ведь предки Уолдена принадлежали к древнему шотландскому клану, из которого вышел легендарный герой Роб Рой. Детство Уолдена прошло в Шотландии, в уединенном поместье «Королевская рыбалка», где остались обожаемые дед и отец. А теперь он живет в Оксфорде – с матерью, отчимом, братом и сестрой. Прошлое манит его: он знает и любит семейные предания, с детства сочиняет истории об Одиноким Рыцаре, страстно увлекается исторической реконструкцией и фехтованием. А еще Уолден пытается разобраться в своих чувствах к родителям, когда-то при разводе разлучившим его с братом. Встреча с юной клоунессой Джо, русской студенткой Гилдхоллской школы музыки и театра, помогает ему по-новому и с любовью взглянуть на мир вокруг и на свою собственную семью. Новая книга Марии Пастернак, чей исторический роман «Золото Хравна» уже завоевал симпатии читателей, говорит с нами о современности, но прошлое главного героя, его семьи оказывается важнейшим участником событий. Ведь из прошлого прорастает будущее, и только из него.

ISBN 978-5-4370-0341-1

© Пастернак М., 2022
© Розовый жираф, 2022

Содержание

1 глава	8
2 глава	17
3 глава	26
4 глава	32
5 глава	42
6 глава	47
7 глава	52
8 глава	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Мария Пастернак

И охотник вернулся с холмов

© М. Пастернак, текст и иллюстрации, 2021

© ООО «Издательство «Розовый жираф», 2022

* * *

Памяти Иры Скинтей – «Alb de Negri».

The Common Kingfisher (Alcedo atthis) also known as Eurasian Kingfisher or River Kingfisher, is a small sparrow-sized bird.

Coward Thomas Alfred.

«The Birds of the British Isles and Their Eggs» (1930).

Обыкновенный зимородок (Alcedo atthis), также известный как евразийский зимородок или речной зимородок, – маленькая птичка размером с воробья.

Ковард Томас Альфред.

«Птицы Британских островов и их яйца» (1930).

*В том, что дарит Калидон¹, где под кровом листья я останусь,
Больше радости мне, чем во всех самоцветах индийских,
Больше, чем в золоте всем на берегах баснословного Тага,*

¹ Калидон (Каледон) – каледонский лес, в прошлом покрывавший значительную часть Шотландии.

*Чем в сицилийских хлебах или лозах сладких Мефиды,
Иль в городах, обнесенных стеной, или в замках высоких,
Или в блеске одежд, что от тирского снадобья рдеют.
Не по душе мне ничто, коль оно из моих Калидонских
Роц уведет меня прочь: их всего почитаю отрадней.*
Гальфрид Монмутский. «Жизнь Мерлина» (1149–1151).
Здесь и далее перевод С. Ошерова.

1 глава

*Когда ветер гудит, и стонет бор,
И дождь шумит по земле,
Я слышу, как всадник во весь опор
проносится в мокрой мгле.
Вверху ни звезды, внизу – ни огня.
Куда он торопит и гонит коня?*

Р. Л. Стивенсон. «Ветреной ночью» (1885).

Перевод Г. Кружкова.

Всю ночь холодный ветер трепал облетевшие вяза и платаны. Комната – шесть метров на три, мансардный этаж, окно смотрит в парк. Сквозит из всех щелей.

Несколько лет назад, во время школьных каникул, которые я проводил здесь, у Осборнов, я оклеил стену и часть косога потолка над кроватью постерами и всякими картинками. Сегодня я с радостью содрал бы большую часть. Все-таки вкусы у меня за это время сильно изменились. Оставил бы две-три. Ту, где Странник в тумане, например. Беда в том, что у меня нет времени этим заняться. Раньше я жил в Эдинбурге, а в Оксфорд приезжал отдыхать, а теперь все наоборот: живу и учусь в Оксфорде, а на каникулы отправляюсь домой в Эдинбург или в Троссакс. Все мои дни здесь, с утра до позднего вечера, заняты либо учебой и тренировками, либо еще чем-то связанным с университетом. Так что пусть моя конура пока остается такой, какая есть. Комната в мансарде была моей с самого детства, еще с тех времен, как домом владела бабушка Маргарет. Бабушка умерла шесть лет назад, а комната так и осталась за мной. Я бы, наверное, предпочел общежитие или съемную комнату, но родители оплачивают мой универ, и у меня бы язык не повернулся объяснить отцу, почему он должен раскошелиться на место в общежитии, когда можно бесплатно жить и кормиться у Осборнов. Я просил у него денег на книги, на планшет и новый ноут, но это другое: они нужны для учебы.

На некоторые вещи я стараюсь зарабатывать сам. Например, на табак. Курю я мало, в основном трубку, и редко, так что это не сложно. На поездки, если они не очень дорогие. На пабы, кафе и прочие мелкие радости. На вечеринки принято скидываться по два-три фунта, а это тоже деньги. На пафосные частные вечеринки, на которые собирают по сто фунтов с носа, я не хожу, но это меня вообще не парит. Это развлечение для детей богатых родителей.

Работа на заправке – три раза в неделю по четыре часа, в основном ночью, – приносит мне чуть меньше четырехсот фунтов в месяц. Иногда отец подкидывает денег на карманные расходы, я не отказываюсь. Дороже всего обходится Орден и экипировка. Но тут уж ничего не поделаешь. Гамбезон² в бугурте³, если подумать, защищает не хуже, чем металлические доспехи, но когда-нибудь я и кольчугой обзаведусь.

Не так давно я вкалывал как сумасшедший, чтобы найти денег на одну штуку. Разносил пиццу, ночами торчал на заправке – это самая денежная из моих подработок. Дал несколько уроков латыни парню, которого надо было подтянуть. Работа – это, конечно, хорошо, хотя времени на нее уходит слишком много, в ущерб учебе. Поэтому пока что я с бензоколонкой завязал, не знаю, навсегда ли, посмотрим. А ученик ушел в свободное плавание, вроде как все у него наладилось. Но я сказал ему, чтобы, если что, обращался. Не такой уж я знаток латыни, просто учил ее в школе, поэтому и попал в «продвинутую» группу. Здесь никто не обязывает студентов-историков учить латынь, но все же знание древних языков приветствуется.

В этом году я стал учить древневаллийский. Это очень круто. Гэльский⁴ нам преподавали еще в школе, и попутно я интересовался также и старым гэликом. Сейчас нет времени, придется много заниматься, но когда получу бакалавра, то начну учить и другие кельтские языки.

К тому моменту, как учеба в школе подошла к концу и настало время решать, что делать дальше, я еще не слишком-то хорошо понимал, чего хочу от жизни. Вообще, послал документы в Оксфорд только потому, что этого хотели родители. Если бы я представлял себе свою жизнь как-то иначе, то мог бы с ними поспорить, но зачем? История – это то, что мне и впрямь было интересно, поэтому и выбрал ее среди других предметов.

Еще в старшей школе взял за правило: если я что-то делаю, то делаю это хорошо. Все равно, о чем речь – о работе, учебе или игре. Но много лет подряд заниматься тем, что тебе совсем не интересно, – этого я бы не выдержал. Сейчас, конечно, многое изменилось. Если бы меня теперь спросили, кем я хочу стать, я бы сразу ответил – кузнецом. Возможно, я реально когда-нибудь стану кузнецом.

Я вырос в Эдинбурге, там мой дом. В Эдинбурге тоже есть университет, ничуть не хуже, чем в Оксфорде. Почему я учусь здесь, в Англии? Да потому, что миссис Осборн сказала моему отцу, что оплатит половину моей учебы, если я поступлю в Оксфорд. Если бы я остался в Эдинбурге, платить пришлось бы отцу и деду. Но вы же знаете нас, шотландцев.

Отец спросил меня, что я об этом думаю. А что я могу думать? Если честно, мне хотелось уехать из дому. С шести до восемнадцати, целых двенадцать лет, я учился в Эдинбургской академии, в школе для мальчиков.

Школа для мальчиков специально придумана, чтобы к выпускному классу сделать из мальчика идиота. Спасибо, что меня не отдали в пансион. Дед, правда, уверял, что только пансион способен вырастить настоящего сурового мужчину, но отец с ним не согласился. Кто из них кого переупрямит, когда они оба упрутся лбами, вопрос открытый. Но и в этом деле тоже победили деньги: пансион намного дороже. Деду пришлось смириться, и если честно – я этому рад, особенно теперь. Насмотрелся я в Оксфорде на выпускников закрытых школ. Ну, мне с ними как-то не по дороге.

² Гамбезон – стеганка, которую рыцари надевали под доспех. Поддоспешник.

³ Бугурт – турнирное сражение двух команд.

⁴ Гэльский (Gaelic) – кельтский язык. Распространен в северо-западной Шотландии и на Гебридских островах. По происхождению является диалектом ирландского языка. Old Gaelic – старый гэльский, использовавшийся до 900 г. н. э.

В мостовых Эдинбурга не осталось камня, который бы не участвовал в стирании подошв всех тех башмаков, что я успел сносить за свои почти два десятка лет. Я люблю этот город. Люблю пускать змея, стучать в теннис, гонять в футбол – или даже просто сидеть на Артуровом Троне⁵ наверху, особенно в те дни, когда там нет туристов. Но мне хотелось уже попробовать какой-то совсем другой жизни. Я бы уехал в Америку, например, или в Норвегию, или даже в Китай или Бразилию. Или в Россию. Не скажу, что я так уж мечтал пожить с Осборнами. Тем более в Оксфорде, где я с детства знаю каждый дом и каждый угол. Но выбирать особо не приходилось.

Я сказал отцу, что не против учебы в Оксфорде. Выбрал колледж Святой Анны. Мои документы и мотивационное письмо с рассказом, почему же я так стремлюсь заниматься историей и именно в Оксфорде, комиссия приняла, что само по себе уже было немалой удачей. На собеседовании я немного трусил, что греха таить. Ответил не на все вопросы. Но все же меня взяли. Я тогда даже удивился.

Осборны славные люди. Отличная семья, мне с ними хорошо. К тому же у меня полно друзей в Оксфорде. Мэтт, он живет по соседству, на Парк-таун. И Крис, с которым я дрался в детстве, потому что он дразнил меня «каша-во-рту», а потом мы сдружились на футбольной почве. Год назад мы с ним еще встречались, чтобы постучать мячиком в парке или потрепаться о футболе, но осенью он уехал в Лондон, потому что нашел там себе работу.

Ну еще, конечно, есть Бармаглот. И другие друзья из моих однокурсников. И однокурсниц. Полтора года назад, когда я приехал сюда после школы для мальчиков, я совершенно ошалел. Прежде я и не подозревал, что девушки бывают такими сумасшедшими. Просто – ух. Да и парни тоже, особенно из закрытых частных школ. В жизни не видел таких отмороzków. Что они творили в первый месяц учебы, я даже описывать не стану. Город стоит на месте только потому, что он каменный.

Чарли Бармаглот и Стивен Да-и-Нет – мои самые близкие друзья. Мы с Бармом учимся в одной группе, вместе ходим на футбол, на истфех⁶, на собрания клуба «Орден». Стивен тоже изучает медиевистику⁷, но в колледже Святой Магдалины. Познакомились мы в Языковом центре⁸, а потом он пришел в ту же группу по истфеху, куда мы с Бармом ходили с прошлого января.

Мы много времени проводим друг с другом – и на занятиях, и на тренировках, и по вечерам, когда хочется немного расслабиться. Чаще всего в «Белом кролике», это отличный паб, здесь тысяч геймеры, можно посидеть за пивом или колой, съесть пиццу, а можно в настолки поиграть. Иногда заходим в «Ягненок и флаг». Редко, потому как не самый дешевый паб. Но нам тут нравится. Здесь, кстати, бывал Толкин. Обычно Инклинги⁹ предпочитали другой ресторан по соседству – «Орел и дитя», но, когда им доводилось вылакать там все пиво, они и сюда захаживали. Мы в «Орел и дитя» не ходим. Там всегда слишком много толкнутых туристов и чувствуешь себя как-то напряженно.

Впрочем, Оксфорд вообще город претенциозный. Его так и распирает от собственной крутизны. В детстве я на это не обращал внимания. Вообще не замечал, пока не стал тут

⁵ Артуров Трон (*англ.* Arthur's Seat) – гора высотой 251 метр, расположенная в Эдинбурге, в Королевском парке Холируд.

⁶ Истфех – *сокр.* историческое фехтование.

⁷ Медиевистика – раздел исторической науки, изучающий историю европейского Средневековья.

⁸ Специальное отделение, где студенты могут учить языки по выбору.

⁹ Инклинги (*англ.* Inklings) – неофициальная литературная дискуссионная группа в Оксфордском университете (1930–1949), активными членами которой были Дж. Р. Р. Толкин и К. С. Льюис. Шутливое название происходит от слова «ink» – чернила. В названии содержится игра слов. С одной стороны, inkling применимо к тому, кто вечно в чернилах, – и это, само собой, писатель. Буквально же означает «намеки» и подразумевает, что этот писатель пока имеет слабое представление о том, что собирается написать. Заседания группы проходили по большей части в пабе «Орел и дитя».

учиться. Жизнь города с двенадцатого века была подчинена жизни университета и как тогда, так и теперь полностью зависит от него. Большинство жителей Оксфорда либо работают в университете, либо как-то иначе связаны с ним, сдают комнаты студентам или что-то еще.

Оксфорд – чудаковатый высокопарный старикан, с нежностью хранящий свои древние традиции. Например, такие, как соревнования по игре в лапту или освященная обычаем драка между студентами Тринити-колледжа и Баллиоль-колледжа. Эта байда началась еще в шестнадцатом веке и так и не закончилась. На смену смертоубийству и мордобоем пришел обычай, сидя на заборе, распевать непристойные куплеты в адрес противника. Кстати, подборки этих песенок входят в памятку студента, которую раздают первокурсникам Баллиоля и Тринити. Такова преемственность поколений. И если ты на нее забиваешь, то какой же ты после этого хардкорный студизус.

В сводах университетских правил, составленных еще в Средние века, есть такие, которые в наши дни никто не соблюдает, но и не отменяет при этом. Типа того, что студент должен являться на экзамен не только в мантии и академической шапочке, но и с мечом у пояса. А если он приехал на коне и в доспехах, считай, заработал бонус и препода обязаны выдать ему кувшин эля.

В оксфордских статутах шестнадцатого века прописано, что, ежели студент провел на экзамене больше четырех часов, полагается поднести ему кружку пива и порцию копченой телятины, дабы поддержать его силы. Говорят, несколько лет назад один чувак решил проверить, действует ли это правило, и потребовал свое законное. Ему действительно принесли сэндвич и банку колы, но на другой день отплатили той же монетой и отчислили из универа за явку на экзамен без меча.

Профессор Уотермид как-то при мне сказал: «Оксфорд не имеет никакого отношения к реальной жизни», и по сути он был прав. Но Оксфорд и этим гордится. Его оторванность от жизни не просто один из признаков его элитарности – это его символ, своего рода фишка, знак качества. И что ни говори, этому городу я за многое благодарен. Если Эдинбург растил меня, как добрая нянька, то Оксфорд ставит теперь на ноги, как какой-нибудь сенсей по боевым искусствам. Бывает, пинками, порой весьма болезненными. Но что поделать, это жизнь. А еще, спасибо Оксфорду, год назад я попал в «Орден». И с тех пор вообще все для меня сильно переменялось, считай, перешел на другой уровень.

Так вот, вернемся к Осборнам. У меня, конечно, есть причины не любить Майкла, но не любить Майкла – сложная штука. Он доброжелательный, очень спокойный и все время посмеивается над собой. Попробуйте ненавидеть человека, который самого себя выбрал объектом своих же шуточек. Ничего у вас не получится. К тому же и вид у Майкла самый миролюбивый, совершенно не располагает к враждебным чувствам.

Первый раз я увидел его на вокзале, куда он пришел меня встретить. Мне было семь лет, и я был очень сердит на Майкла Осборна, хотя в глаза его до того дня не видел. Я сидел на чемодане и дулся, пока он не подошел ко мне и не посмотрел на меня сверху. Он показался мне очень высоким. Так, в общем-то, и есть: Майкл выше моего отца на полголовы.

– Ты Валли, – скорее констатировал он, чем спросил.

Я покосился на него снизу. Большой нос, очки, кривая ухмылка, кудрявые рыжие волосы шапкой. Вся свирепость моя прошла неведомо почему.

– Грести умеешь? – поинтересовался он.

– Хм, – ответил я.

Еще бы я не умел грести. Я все выходные и праздники торчал на озере с дедом, а отец говорил, что, когда я научусь не ронять весло и не ныть, он возьмет меня с собой сплавляться по горным рекам.

Теперь же я и сам перерос Майкла на палец – вот ирония жизни. Да и ныть давно разучился.

Майкл – это мистер Осборн, а есть еще миссис Осборн. Джоан. Очень красивая женщина. Очень умная. Даже не знаю, что еще сказать о ней. Миссис Осборн, да... Она такая. Мы с ней мало похожи, хотя Майкл считает иначе.

Миссис Осборн – профессор лингвистики, преподает в нескольких колледжах. Она на очень хорошем счету. Отличный преподаватель, студенты ее любят. Постоянно они толклись в этом доме, еще при бабушке, и в Эдинбурге, в ту пору, когда Джоан там жила с нами и читала лекции в университете, а Лукас был размером с батон. Я вот думаю – она прирожденный преподаватель. Сколько себя помню, она всегда старалась научить нас чему-нибудь прекрасному. Читать мы все начали рано: я, и Лукас, и младшие Оливия и Том. Дуг говорит, что это заслуга Джоан, ну и я с ним согласен.

С тех пор как Джоан взяла Лукаса под мышку и уехала с ним из Эдинбурга, мне, конечно, доставалось меньше, чем другим. Но часть каникул я всегда проводил в Оксфорде, с бабушкой Маргарет, Джоан, Майклом и младшими. И там Джоан, как могла, использовала любую возможность, чтобы чему-нибудь меня научить. Когда у нее было на это время, конечно.

Вот бабушка Маргарет вообще никогда не пыталась меня ничему учить. Она много со мной разговаривала, гуляла, рассказывала разные забавные вещи. Как она жила на ферме в Уэльсе, когда была ребенком, как пряталась от взрослых в пустом аистинном гнезде. Мы с бабушкой часто ходили в парк, в ботанический сад, гуляли вдоль канала, кормили оленей в парке Модлен-колледжа и гусей на променаде Месопотамия. У бабушки был пес Вурзел, бультерьер. Я знал его с тех пор, как знаю себя, потому что Вурзел у бабушки появился намного раньше, чем все ее внуки. Я любил бросать ему мяч, а он любил его приносить, и часть наших прогулок была посвящена этим играм. Я старался зашвырнуть облюбованный мяч как можно дальше, но Вурзел всегда находил его, приносил, сияя розовой улыбкой, и совал прямо мне в руки.

Иногда мне жаль, что бабушка не записала те истории о своем детстве. Они здорово меня смешили. Но я был маленький и не очень-то это ценил, теперь же многое позабылось, а спросить не у кого. Я все хочу поехать в Уэльс и найти ту ферму, пусть она давно продана другим людям и там, наверное, уже ничего не осталось от прежней жизни. Но хотя бы просто посмотреть.

Я лежал в кровати, полудремал-полудумал, слушал, как воеет ветер, как треплет кроны секвой и платанов за окном. Я люблю ветер и зябкий холод, люблю их особый уют. Они пахнут приключениями. Я бы хотел в такую погоду, завернувшись в плащ, ехать на коне сквозь туман через пустошь или въезжать в незнакомый город, – чтобы ни огня, и только случайный прохожий. «Что вы ищете, милорд, в такую непроглядную ночь в этой чертовой дыре?»

Мне снилась чушь. Наш манор на озере Лох-Фада, но будто и не он. С прямым выходом через музей прямо в комнату Чарли Бармаглота в общаге, где он жил в прошлом году. И почему-то там ходит медведь или большая собака. И Стивен Да-и-Нет кричит: «Ты готов? Матч уже начинается, беги в раздевалку, быстро». А за окном проливной дождь, и поле раскисло. Гонять мяч в такую проклятую погоду – редкая разновидность мазохизма. И все же, когда все заварилось и ты включился и пошел в грязи по уши рубиться вусмерть с пемброками¹⁰, – это великий драйв. Ни с чем не сравнимый.

После матча ты весь избитый, загвазданный глиной с макушки до пят и сил нет пошевелить пальцем. И ты счастлив. Оттого, что наколотили пемброкам и что два гола из шести твоя

¹⁰ Студенты Пемброк-колледжа.

личная заслуга, а еще два забиты с твоей подачи. И все тебя поздравляют. А ты стоишь мокрый, одеревеневший, дождь вместе с потом и грязью течет по тебе, разбитые колени саднит, руки стынют, два пальца выбиты, все тело немеет от холода, и нет слов, чтобы описать, какое это восхитительное чувство.

Я окончательно проснулся и еще несколько минут не вылезал из-под теплого одеяла, слушал, как шумит ветер за окном, и размышлял, что бы ответил Одиноким Рыцарь случайному прохожему. Что он и в самом деле делает в этой чертовой дыре, да еще и ночью?

Вдруг пожалел, что матча не будет, что это только сон. Ветер с улицы пролез в щели, сильно несло из-под двери. Лукас и Том уже ушли в школу, и Лукас оставил открытым окно на лестнице. Он всегда так делает, они тут все помешаны на здоровье. По утрам Лукас приседает и прыгает с гантелями, я сам видел. Я бы так не мог. Гантели и гимнастика по утрам – это как-то очень скучно. Как он ухитряется в свои шестнадцать – ума не приложу.

Спорт для меня – это не какие-то унылые упражнения, чтобы поддержать жизнь тела. Футбол, и теннис, и тому подобное, не говоря уж про истфех, прежде всего – игра, битва. И оно мне этим и дорого. То, что будоражит кровь. Когда все твои нервы и силы подчинены воле к победе. В повседневной жизни у меня такого не бывает. Ни в учебе, ни в чем другом, даже когда надо бежать на время или прыгать через планку. Никогда в таких вещах я не стремился быть впереди. Даже в компании с девчонками скорее тушевался, старался оставаться в тени. Только в битве хотел быть первым. В сражениях надо побеждать. По крайней мере стремиться к этому. Ну типа как в компьютерных игрушках. Иначе какой смысл?

Я сунул ноги в джинсы, они были ледяные. Натянул свитер, прошел босиком до двери. В мансардном этаже ванной нет – чтобы в нее попасть, надо спуститься на третий, а еще лучше на второй, там вода горячее. Лестница узкая и очень крутая, когда приходят иностранные студенты, они всегда спрашивают у миссис Осборн, как это ее дети еще не свернули себе шеи. «Для Англии это нормально», – объясняет она с улыбкой.

И верно, никто из нас пока шею себе не свернул. Друг другу мы с Лукасом когда-то пытались, без всякой лестницы, но обошлось.

На втором этаже ванная оказалась занята. Если это Оливия заперлась в ней, то, во-первых, почему она не в школе, а во-вторых, с мечтами о теплом душе можно попрощаться, сестрица наверняка истратит всю горячую воду. Я подумал и забил на мытье. Спустился вниз, на кухню, размышляя по дороге о том, насколько я вырос из этого дома с тех пор, как приезжал сюда ребенком. Еще до всякого Майкла, когда здесь просто жили бабушка Маргарет и Вурзел. Лестница стала мне мала, перила, по которым я когда-то съезжал, теперь почти на уровне колена. Викторианская эпоха. Эти титаны были карликами. В Эдинбурге, в нашей с отцом берлоге на Драйден-плейс, куда просторнее. А по сравнению с манором в Троссаксе жилище Осборнов – просто кукольный домик. Хотя там полдома занимает музей, и все же.

Запах кофе становился все сильнее по мере того, как я приближался к кухне. Босые ступни слегка прилипали к паркету, отирать их при каждом шаге – забавное ощущение.

Кухня тут просторная, хотя, конечно, меньше, чем в Троссаксе. Полуподвал. Каменный пол холоден, как лед. Длинный стол светлого дерева, на нем деревянное блюдо с яблоками и корзинка с крекерами. На углу столешницы строй бутылочек от молочника.

Миссис Осборн что-то готовила у плиты, но услышала, как я вошел, и, не оборачиваясь поздоровалась:

– Привет!

По голосу было понятно, что она улыбается.

- Доброе утро.
- Кофе будешь?
- Ты уже сварила?
- Только что. Еще горячий. Яичницу?
- Не надо, я в столовой поем.
- Все равно делаю для Майкла.
- Тогда буду. Спасибо.

Я стянул крекер из корзинки, потом второй.

В гостиной здесь есть камин, но пользоваться им давно запретили. У деда в Королевской Рыбалке сейчас наверняка полыхает, потрескивает в очаге большое полено и языки пламени пробегают по сухой коре. Было приятно думать об этом. Я потянулся за третьим крекером.

- Ты не опаздываешь?
- Нет, мне сегодня к одиннадцати, я встречаюсь с куратором.
- Кто твой куратор?
- Уотермид.
- Это серьезно, – вздохнула она.
- Он мне нравится.

Я налил себе апельсиновый сок в стакан и кофе в большую керамическую чашку с шербинкой на краю. Сел, поджал ноги, поставил их на край стула. Так немного теплее.

- Почему ты не надел носки?
 - Потому что они все разные. Откуда ты знаешь, ты же стоишь ко мне спиной?
 - Я слышу по звуку твоих шагов.
 - Мам, тебе надо было служить в разведке.
- Она наконец обернулась, рассмеялась.
- Возьми чистые в гардеробной.
 - Ты хочешь сказать, что там есть парные?
- Она снова рассмеялась.

Ледяной сок и горячий кофе по очереди обжигали горло.

- А почему Оливия не в школе? – спросил я.
- Отравилась. Ее тошнило вчера. Пойдет к третьему уроку.
- Подозрительная вообще была эта вечеринка вчера, с которой она вернулась в два часа ночи.

- Ну, Майкл же ее привез. А что тебе кажется подозрительного в этой вечеринке?
 - Ну, не знаю. Чем там она отравилась? Я в тринадцать лет вел себя осмотрительнее.
- Миссис Осборн снова рассмеялась.

– Ты считаешь, что всегда был благоразумен? Ты просто забыл, что вытворял в этом возрасте.

– В любом случае веселые вечеринки, с которых приходишь домой в два часа ночи, у меня начались в более старшем возрасте.

- Ну да, конечно. Когда тебе стукнуло пятнадцать.

Интересно, откуда она знает. Мои пятнадцать проходили в Эдинбурге без нее. Отец, видимо, рассказывал ей. Заговор взрослых.

– Зато к семнадцати это становится уже совсем не интересно, – сказал я и стащил еще горсть крекеров.

- Растолкуешь это Лукасу?
- Ему еще нет семнадцати.
- Но скоро будет.

– Думаю, тебе не о чем беспокоиться. Лукас намного положительнее меня.
– Ты так думаешь?

Я так думал. В его возрасте я уже много такого попробовал, о чем родителям не рассказывают. К тому же он делает зарядку и ходит в боксерский зал.

– Слушай, Валли. – Миссис Осборн повернулась ко мне. – Знаешь, о чем я хочу спросить?
– Хм.

Я знал, по крайней мере догадывался, потому что этот вопрос она задавала мне каждый год.

Она очень красива. Смуглая, темные глаза и брови. Отлично готовит, несмотря на то что у нее гора работы, и вообще хорошая мать. Чуткая. Не авторитарная. Никогда никому из нас не пыталась навязать свое мнение. Ее очень ценят на кафедре лингвистики как преподавателя. Вообще у меня крутые родители. Все трое, если Майкла тоже причислить к этой категории.

– Ты не хочешь в этот год остаться с нами на Рождество?
Я покачал головой.

– Нет, мам. Не то чтобы не хочу. Просто мы с отцом снова поедem в Троссакс к деду. Не было еще ни одного года, чтобы мы не поехали туда в Рождество. Только однажды, когда я болел скарлатиной.

Яичница с беконом тем временем перекочевала ко мне на тарелку.

– Пора создать прецедент, мне кажется. А то так и будешь каждый год сидеть в сочельник со стариками, которые собираются в доме у Алистера. К нам, кстати, приходит много молодежи. Друзья Лукаса.

Друзья Лукаса. Боже мой.

– Не в этом дело.

– Понимаю, что не в этом. Но когда-нибудь это все равно случится. Когда-нибудь, даже довольно скоро, тебе не захочется сидеть в сочельник со стариками.

– Почему это? Они клевые, эти друзья Алистера.

– Я понимаю, что они могут представлять для тебя интерес как для историка. Но согласись, они же не годятся тебе в компанию.

– Почему? – снова спросил я.

Прекрасно было понятно, к чему она клонит, но я прикинулся тупым, как делал обычно в таких случаях.

– Да ты сам все понимаешь.

Я пожал плечами.

– Не знаю, мам. Не в этом году. Возможно, когда-нибудь. И не потому, что я предпочту остаться тут с тобой, Майклом, Лукасом, Оливией и Томом.

– Ты умеешь быть очень неделикатным, надо сказать тебе, Валли.

– Что поделаешь...

Она снова рассмеялась. Она никогда не злилась, если я грубил ей. Если бы она наказывала меня за мое хамство или сердилась, я бы, наверное, совсем распоясался. Но она только смеялась, поэтому стыдом накрывало сразу. Она всегда все понимала. Все мои тайные мысли. Могла бы хоть сделать вид, что не видит меня насквозь, ведь знает же, как я этого не люблю.

– Нет, ты меня не так поняла, – возразил я. – Это же Рождество.

– Я тебя поняла.

– Нет.

- Поняла. Ты бы мог пойти в Святого Алоизия¹¹. Ты же ходишь туда по воскресеньям.
- Вкусная яичница, спасибо, мам.

Когда-то Дуг велел мне быть внимательным и чутким с ней.

– Ты можешь легко причинить ей боль, – сказал он. – Потому что именно перед тобой она чувствует себя виноватой. И именно поэтому ты должен всегда очень внимательно следить за собой, чтобы не задеть ее.

Наверное, это правда. Но, когда я думаю об этом, я начинаю ощущать себя канатоходцем, под которым отчаянно раскачивается канат. Очень трудно сохранять равновесие. И чем дольше живешь с Джоан бок о бок, тем труднее. Будь она для меня чужим человеком, было бы проще. С чужого – какой спрос?

Я взял яблоко с деревянного блюда и пошел в гардеробную искать носки. Мне повезло, Лукас не утащил последние парные. Оливия выключила воду в ванной, но я подумал, что, если сейчас пойду мыться, она опять уведет «Омегу», и заторопился.

Велосипеды стояли в сарае в саду. Я вывел «Омегу» за рожки через заднюю калитку. Узкий проход между садиками был усыпан сухими яблоневыми листьями, ветками, шишками. Ветер и сейчас бушевал в кронах, сек дождем лицо и руки. Надо, наконец, купить себе перчатки. Я натянул на уши капюшон и подумал: «Вот и в Средние века кто-то так же укрывал лицо от непогоды». И сразу стало даже как-то теплее. Все-таки я люблю историю. Наверное, я не зря ее выбрал. «Так было всегда» – для меня самая поразительная мысль. Момент истины, который пригвозждает тебя к месту своей очевидностью. Даже в такой мелочи, как поправить капюшон, смотреть в огонь или закутаться в плед. И так же делал он – Алистер Дуглас Мак-Гриогар. Тем же жестом, тем же движением руки. Восемьсот лет назад. И Робин Мак-Грегор из Комара. Конец семнадцатого. Иногда прошлое становится реальнее настоящего.

Я оседлал велосипед, оттолкнулся ногой от бровки. Северный ветер ударил в спину. Я доел яблоко на ходу, швырнул огрызок в кучу листьев на газоне, вырулил на Бенбери, привстал на велике и выжал педали.

¹¹ Церковь Святого Алоизия Гонзаго – католический храм в Оксфорде.

2 глава

*О, бойся Бармаглота, сын,
Он так свирлеп и дик.
А в чаще грымлит исполин,
Злопастный Брандашмыг.
Но взял он меч и взял он щит,
Высоких полон дум.
В глущобу путь его лежит
Под дерево тум-тум.*

*Льюис Кэрролл. «Алиса в Стране чудес» (1865).
Перевод Дины Орловской.*

После семинара мы с Бармаглотом сидели за ланчем в столовой при общаге. Прошли со своими подносами за дальний столик, к окошку. Мелкие капли частой сеткой осели на стекле, сквозь эту рябь было видно, как ветер треплет секвойю в саду, как дождь сечет ветки деревьев.

– Что тебе сказал Уотермид? – спросил Бармаглот.

– Предложил несколько тем для работы на каникулах.

– Ну и как?

– Все клевые, – сказал я.

– Выбрал что-нибудь?

– «Мифопоэтическая традиция кельтов Британии и ее связь с историческими реалиями раннего Средневековья».

– Это же вообще твоя тема, Король.

Я кивнул.

– Кстати, хотел тебя спросить про сегодняшний семинар по раннесредневековой литературе, по Ирландии. Четыре дара богини Дану: копьё Луга, меч Нуаду, говорящий камень Лиа Фейл, который орет, когда на него встает истинный король, и котел Дагды¹². Тут же налицо связь с артуровским циклом, с Граалем и в то же время с христианской традицией, я прав?

Я кивнул.

¹² Речь идет о кельтской мифологии.

– Сто процентов. Копье всегда появляется вместе с Граалем. Котел – очень мощный символ у всех кельтов вообще. С появлением христианства возникает и понятие Чаши. И Грааль соединяет в себе оба эти начала. Ну и есть легенды, в которых Граалем называют вовсе не чашу, не сосуд, а драгоценный камень. Вот тебе, пожалуйста, и камень Лиа Фейл, и первоисточники Артурианы. Можешь до кучи добавить сюда и скунский камень¹³.

– Круто, – сказал Бармаглот. – В некотором смысле ты разрешил мои сомнения. Мне писать эссе по Книге Бурой Коровы¹⁴, и я думал, стоит ли ввернуть пару слов об этом. Спасибо тебе.

– Да не за что. Пользуйся, пока я жив.

Мы принялись за ланч. Я ел и не мог взгляд оторвать от окна. Бармаглот сказал что-то еще, но я прослушал. Серое небо наваливалось сверху на корпуса колледжа Святой Анны, отражалось в больших окнах общежития, так что почти слилось с ними. По дорожке от библиотечного корпуса шла Мири Вассерман, ее серое пальто раздувал ветер, были видны тонкие ноги в черных колготках. По походке Мири я сразу понял, что ей холодно и колени у нее промокли.

– Что ты думаешь об этом, Король?

Я думал о Мири Вассерман, о ее промокших ботах и коленках. Особенно о коленках.

– Что? – переспросил я. – Прости, я выпал.

– Тот самый вопрос: кому служит Чаша Грааля? Как по-твоему, это вопрос, на который нет ответа?

– Ну, в принципе ответ есть, – сказал я. – Только он порождает второй вопрос. А потом третий и так далее.

Бармаглот указал на меня вилкой с наколотой на нее фрикаделькой и рассмеялся.

– Ты Король-Рыбак¹⁵, тебе виднее. Но по сути – ответ, который порождает новые вопросы, – ответ ли это вообще?

Мири Вассерман быстрой походкой миновала Диннинг-Холл¹⁶. Лужи на дорожке вскипали пузырями под ее ногами, ветер трепал подол пальто и рвал капюшон с ее головы.

– Она тебе нравится? – спросил Бармаглот, проследив мой взгляд.

Я пожал плечами.

– Когда-то нравилась, а сейчас уже не знаю. И потом, мы же решили, что на втором курсе никаких девиц.

– Ну, это же не обязательство, – задумчиво возразил Бармаглот. – Мало ли что. Вдруг ты снова вступишься в кого-нибудь.

В прошлом году так случилось, что его бросила девушка и я тоже расстался со своей подружкой Энджи. Нам обоим тогда было невесело, конечно.

– Или ты, – хмыкнул я.

Он вдруг согласился.

– Или я.

И я подумал, что, наверное, раз он так сказал, то уже перестал страдать по Глэдис. Что до меня, то после истории с Энджи у меня как-то пропало желание с кем-то встречаться. Не навсегда, конечно, но там посмотрим. У нас в группе были вполне ничего себе девочки, красивые и умные, – Лоис Браун или Стейси Стейнхоуп, например. Но никто из них меня не цеплял

¹³ Скунский камень – камень, на котором короновались шотландские короли.

¹⁴ Книга Бурой Коровы – старейший ирландский манускрипт.

¹⁵ Согласно некоторым легендам, раненый Король-Рыбак Брон (по другой версии Пелес или Пелеас, он же Увечный Король) мог быть исцелен Чашей Грааля после того, как будет задан вопрос «Кому служит Чаша Грааля?» и получен ответ «Чаша Грааля служит Королю Грааля».

¹⁶ Диннинг-Холл – один из корпусов на территории колледжа Святой Анны.

так, чтобы пытаться заводить отношения. Что до Мири Вассерман, то она дала мне от ворот поворот еще в начале первого курса, и к этому вопросу я больше не возвращался.

Мобильник завибрировал у меня в кармане. Видимо, я забыл включить звук после семинара. Чудо вообще, что услышал.

– Король! Они готовы! – зашипел в трубке голос Стивена.

– Кто «они»? Ты о чем?

– Питер только что звонил. Они готовы и ждут нас. Он так сказал. Он их закончил. Сегодня утром доделал рукояти.

– Хм. Это здорово.

– Не то слово! Идем? Или у тебя еще дела?

– Нет. Я уже освободился, мы с Бармаглотом в столовой, в колледже. А ты где? Где встречаемся?

– У меня только что кончилась тренировка. Сейчас переоденусь и заберу тачку на стоянке. В конце Паркс-роуд минут через двадцать, идет? И не опаздывай, а то мне влепят штраф.

– Окей.

Бармаглот оторвал взгляд от салата с морковкой.

– Неужели они готовы? Я правильно понял?

– Да-и-Нет сказал, кузнец звонил и ждет нас.

– Завидую. Покажешь, когда заберешь?

– Поехали с нами?

Он помялся некоторое время, но потом согласился.

– Надо мне, наконец, тоже обзавестись своей сталью, – вздохнул он. – Вот только добуду немного денег.

Мы перешли Бенбери. У входа в университетский парк, прибитая потоками дождя, жались двухэтажная сторожка. Кирпичный фасад ее пошел мокрыми черными пежинами. Струи воды гремели по водостокам. Красный мини-купер Стивена уже ждал нас, и мы с Бармаглотом, толкая друг друга, полезли на заднее сиденье.

– Рад видеть вас обоих! – сказал Стивен.

Мини-купер выехал на Бенбери, весело пронесся по залитой дождем Сент-Джайлз, промчался через мост и взял на юг по Абинтон-роуд. Холодная Темза внизу, под мостом, была черна и покрылась рябью от дождя и ветра.

– Ты тоже сегодня забираешь заказ? – спросил Стивен.

Бармаглот покачал головой.

– Нет. Я, видать, еще долго буду маяться со своим дюралем.

– Барм, – сказал я. – Ты со своим дюралем сделаешь в бугурте пятерых таких, как мы со Стивеном.

Он довольно рассмеялся себе под нос. Он знал, что это правда.

– А стеклотекстолит не вариант? – поинтересовался Да-и-Нет.

– Выйдет не сильно дешевле стали, – помотал головой Бармаглот. – И потом, сам понимаешь...

Стивен кивнул.

– Понимаю, конечно. Сталь есть сталь.

Некоторое время он молчал, глядя на дорогу, а потом вдруг спросил:

– Кстати, у вас на каникулы какие планы? Может, съездим куда-нибудь ненадолго в начале года? Покатаемся на горных лыжах, например.

– Хорошая мысль, – сказал я.

– Э-э-э, денег нет! – вздохнул Бармаглот. – Еще и откладываю на Норвегию, на летний сплав. А сёрфинг вас не привлекает? Поехали кататься на сёрфбордах?

– Лететь на Канары – это сейчас уже билетов не достанешь, надо было раньше думать, – вздохнул Стивен.

Бармаглот рассмеялся.

– Не, на Канары у меня тем более нет денег. Я предлагаю здесь, у нас.

Стивен пожал плечами.

– Я читал про зимние споты¹⁷ на западном побережье. Не слишком заманчиво булты-хаться в ледяной воде где-нибудь на севере, в Шотландии.

– Нет, – помотал головой Бармаглот, – не в Шотландии, а в Корнуолле. И это здорово, честное слово. Зимний сёрфинг лучше летнего. Больше драйва. В Корнуолле есть несколько классных спотов. Если решитесь, то у меня в Карбис-Бей живут бабушка с дедушкой. Я так и так к ним собираюсь погостить, но они будут рады, если я приеду с друзьями. В Карбис-Бей, кстати, один из лучших спотов в Британии.

– Зимний сёрфинг, ого, – сказал я. – Я бы попробовал. Хотя опыт у меня почти никакой. Пять лет назад на пляже в Барселоне. Летом, само собой. Все уже забыл.

– Это не забывается. Это как езда на велике, раз научился – уже не разучишься. Надо только толстый гидрокостюм. Но там все можно взять напрокат – и сёрф, и гидрик. Подумайте, а? Было бы здорово.

Пока мы добирались до Гарсингтона, дождь перешел в настоящий ливень. Дворники трудились не переставая. Поля по обеим сторонам Дантон-лейн превратились в сущее болото. К тому времени, как мини-купер дополз до коттеджа, где жил кузнец, грунтовка стала рекою, мокрые ветки скребли по крыше.

– Черт, – процедил сквозь зубы Да-и-Нет. – Как бы не застрять тут потом.

Он, наконец, припарковал машину, и мы вылезли под дождь.

Кузнец спустился с крыльца нам навстречу – долговязый крепкий парень с рыжей бородой, на плечи накинута зеленая охотничья куртка, на ногах красные кроксы. Джинсы драные. Он остановился на краю лужи и помахал нам рукой: мол, заходите скорее.

– Ну и погодка, – приветствовал он нас.

– Да, кто бы мог подумать, – вздохнул Стивен. – Дождя же не обещали сегодня вообще.

– Там наверху не всегда прислушиваются к здешним прогнозам, – усмехнулся кузнец. – Заходите в дом. Напою вас чаем. Или, может, кофе?

– Пожалуйста, кофе, – попросил я.

С кузнецом мы уже месяца два как были знакомы. Собственно, почти весь Орден ходил к Питеру за всякой надобностью. Были еще два оружейника, не таких уж и плохих, но к ним обращались реже. Питер, человек-легенда, хоть и брал за работу чуть больше других, но оно того стоило.

Наверное, я выглядел совсем идиотом. Благоговение, которое я испытывал перед кузнецом, должно быть, лезло даже из моих ушей. Прошлый раз он разрешил нам войти в кузню – в то время он делал решетку на калитку для соседа. И я стоял, распахнув варежку, и будто замороженный смотрел на то, как работают Питер и двое его помощников, как извивается раскаленный докрасна металлический прут, как несколькими верными движениями Питер придает ему нужную форму.

¹⁷ Спот – здесь: место, где занимаются сёрфингом.

В доме у Питера мне очень нравилось. Белые стены, темные балки, полки и скамьи темного дерева. Много всяких кованых штук, и явно он сам их сделал, а не в «Икее» куплены.

Только мы вошли, как откуда-то с лестницы выкатилась на домотканый коврик парочка дерущихся абсолютно одинаковых пацанов. Оба сопливые, рыжие, в сползших трениках. Оба орали одинаково громко. Года по три-четыре им, наверное.

– Люси! – крикнул кузнец. – Забери детей. Ко мне пришли заказчики.

«Заказчики».

Мы переглянулись с Бармаглотом.

– Проходите в кухню, – сказал кузнец. – Ты же Король-Рыбак, верно? – обратился он вдруг ко мне.

– Верно.

– Поставь чайник.

В прихожей было две двери. Одна вела в кухню, другая, под лестницей, неведомо куда. Наверное, в подвал или в кладовую. Была она низкая, полукруглая, крашенная зеленой краской. Кованые петли, ручка в виде кольца. Кажется, толкнешь такую дверь – и немедленно пойдет изменяться реальность, головокружительно скользнет в иные времена и пространства, и не успеешь оглянуться, как провалишься во всю ту ерунду, которая постоянно теснится в твоей голове.

– Смотри, какая дверь! – воскликнул Бармаглот.

– Я как раз и смотрю.

Я не утерпел и тронул пальцами тяжелое холодное кольцо. Ну и ничего не произошло. Как и следовало ожидать.

В кухне был низкий сводчатый потолок, древний ободраный буфет, когда-то расписанный голубыми цветами. По стенам толстые деревянные полки, на них всякие горшки, корзинки, кружки и бутылки. Такой и должна быть кухня у кузнеца. Стол, правда, покрыт клеенкой в синюю клетку, но на подоконнике два высоких кованых подсвечника, и в них толстые оплавленные свечи. Небольшой угловой камин. Огонь почти погас, но язычки пламени все еще пробегали по рассыпающемуся мареву углей.

Бармаглот задрал голову, не мог оторвать взгляд от сводчатого потолка. Сел на табуретку не глядя и чуть не промахнулся. Мы заржали, но он только отмахнулся от нас.

– Интересно, такой эффект закопченности, это само происходит или его как-то добиваются? – спросил он.

– Думаю, само, – предположил Стивен.

Я только налил в чайник воду, как вошел кузнец. Сначала мне показалось, что он несет перед собой ребенка, завернутого в брезент, а потом понял, что нет, это не ребенок.

– Разбирайте, – коротко сказал он, раскрыв сверток на столе. – Король, я в работе опирался на твой рисунок, но сам понимаешь, этого мало. За образец взял тот, что в музее, в Глазго, я тебе о нем говорил – по времени совпадает. Добрый меч. Послужит тебе верой и правдой. И, кстати, картинка твоя мне понравилась.

– Мистер Да-и-Нет, номер десять по Окшотту¹⁸, – продолжал кузнец. – Реплика¹⁹ известного меча с инкрустацией... Рукоять я сделал самую простую. Можешь переделать ее потом по своему вкусу. Инкрустацию я не стал повторять. Не стоит лишать оружие индивидуальности, верно?

¹⁸ Эварг Окшотт (1916–2002) – знаменитый коллекционер средневекового холодного оружия. Автор известной классификации мечей.

¹⁹ Реплика – здесь: полномасштабная действующая копия оригинального изделия, в данном случае реального исторического меча.

- Пожалуй, – тихо проговорил Стивен. Он взгляда не мог оторвать от меча.
- Разбирайтесь тут, а я пока кофе сварю для себя и Короля.

Кузнец вынул из буфета большой медный кофейник с обгоревшей деревянной ручкой и, тихо насвистывая, принялся кухарить.

Я провел рукой по зеркальной стали, она нагрелась и подернулась туманом под моей ладонью. Широкая дола, чуть изогнутая крестовина. Яблоко²⁰ в форме диска. Рукоять, обтянутая кожей, удобно ложилась в ладонь. У меня слегка перехватило горло. Ну да, мы, реконы, все пафосные дурни. Но дело не в этом. Передо мной на краю стола, вытянувшись во всю свою длину и отражая свет лампы – девяносто сантиметров чистой стали, – лежал Ласар Гиал.

- Нравится? – хриловато спросил кузнец, расставляя чашки на столе.
- Не то слово, – отозвался Стивен. – Клевый дрын!

Мы старались говорить о всякой ерунде – о погоде, об одноклубниках, – но у меня в голове был только Ласар Гиал. Идеально сбалансированный – к этому времени я подержал в руках немало мечей и хорошо знал, насколько отличается настоящее годное оружие от поддельного. В принципе, примерно так же, как отличается живой человек от собственного гипсового бюста. Питер действительно мастер своего дела. Вот она, строгая абсолютная красота оптимально функциональной вещи, готовой выполнить свое предназначение.

– Эй, Король, ты уставился на него как на девушку, которую хочешь вот прямо сейчас! – выкрикнул Стивен смеясь.

Я тоже рассмеялся. Мне было неловко. Я знал, что веду себя как простак и нуб, который наконец заполучил то, о чем год мечтал. Впрочем, нет, не год. Я о нем с детства мечтал, с тех пор как дед мне впервые рассказал про него, но год назад я понял, что есть шанс вернуть его к жизни. Шуточки Стивена были вообще не к месту. Никому я не сумел бы объяснить, что означает для меня Ласар Гиал. Что значит держать его в руке, чувствовать тяжесть его клинка.

– Очарование обнаженной стали, – усмехнулся кузнец. – Хороший меч – это не просто вещь. Это больше, чем девушка, которую ты пожелал вот прямо сейчас. Может показаться, что в этой стальной полосе физики больше, чем лирики. Но на самом деле это великая песня, спетая особым языком. Своего рода сплав поэзии и ремесла. Металл – живая штука. Не знаю, понятно ли я говорю.

- Понятно, – вежливо кивнул Стивен.

Мы допили кофе, доели печенье и стали собираться. Кузнец выдал нам пупырчатую пленку и по куску клеенки, чтобы завернуть клинки. Я подумал, что зря не заехал домой, не взял из чулана тот старый брезентовый чехол от весел. Ласар Гиал в нем отлично поместился бы.

Питер вышел на крыльцо проводить нас. Дождь по-прежнему лил. На дворе заметно стемнело. Еще не полная темнота, но уже довольно густые сумерки. Стивен отправился заводить машину, а мы еще постояли на крыльце. Кузнец достал пачку сигарет, и они с Бармаглотом закурили.

- С ножнами могу помочь, – предложил кузнец, глядя на меня.
- У меня денег нет пока.
- Деньги можно потом. Я не обеднею. Такой клинок должен лежать в достойных ножнах.
- Спасибо! После каникул. В декабре меня просили помочь с собеседованиями для абитуриентов, а после я сразу уезжаю к деду, в Стерлинг.

²⁰ Яблоко – навершие рукояти.

– Вернешься – приходи обязательно, – кивнул Питер. – Я тебя научу кое-чему. Сам сделаешь оковку для устья и наконечник. И у меня есть подходящая ясеневая доска для чехла. Я тебе помогу.

Я удивился и обрадовался. Капли дождя летели мне в лицо сквозь синие сумерки, во рту у меня был привкус крепкого кофе, и еще немного горячо от него в животе и в груди. Может быть, от того, что приближалось Рождество, меня вдруг прямо охватило веселое чувство предвкушения. Бывало, в детстве отец покупал мне что-то, чтобы положить под елку. Что-то такое, о чем он хорошо знал, что меня это обрадует. Замок лего. Или набор плеимобил «Полицейский участок». И он где-то прятал эту здоровенную коробку. Часто бывало, что я случайно наткнулся на нее в чулане, в подвале или в его кабинете. Я видел только угол коробки, плохо прикрытой пледом или купальным халатом, ламинированную радугу оберточной бумаги. Мне сразу же становилось весело, я проникался предвкушением ожидавшего меня чуда, ибо отец всегда точно знал, о чем я больше всего мечтал в этом году.

Вот и слова кузнеца сверкнули, точно край рождественской упаковки. «Сам сделаешь». Чего еще желать?

Колеса мини-купера слегка пробуксовывали на мокром асфальте, дворники активно включились в дело, но напрасно пытались разгрести туман, льнувший к лобовому стеклу. Огни фонарей по обочинам размыло, их желтые лепешки вплавлялись в туманные сумерки, как масло в овсянку. Стивен ехал медленно, чертыхаясь то к месту, то на всякий случай.

– Пожалуй, я пойду поработать еще и в «Макдаке», – задумчиво сказал Бармаглот, когда мы уже выехали из Гарсингтона. – Или на заправку, как ты. Надо бы придумать так, чтобы заработать сразу кучу бабок на все: и на сталь, и на ножны, и на доспех. И на Норвегию летом.

– На заправке охотно берут студентов, – кивнул я.

– Вот я прямо после каникул, пожалуй, и пойду.

– Кстати, про каникулы, – сказал я. – Если ты серьезно звал в Корнуолл ловить волну, то я решился. Твоя родня правда не испугается, если я с тобой приеду?

– Да они счастливы будут, серьезно!

– Ну вот, – печально проговорил Стивен. – Я подал идею ехать всем вместе, а вы уже без меня собрались.

– Почему без тебя? Я вас обоих звал.

Стивен притормозил на Вудсток-роуд, там, где я оставил свой велик. Нам с Бармаглотом надо было выходить, но мы как-то не спешили вылезать под дождь. Мне надо было направо, на Бенбери, Бармаглоту налево, он вместе с двумя парнями снимал комнату недалеко, в унылом здании на улице Аделаида, а Стивен, чтобы попасть домой, должен был пилить дальше по Вудсток.

Стивен обернулся с водительского сиденья и посмотрел на меня.

– Слушай, Король, ты что, прямо честно решился в Корнуолл?

– Конечно, – сказал я. – Интересно же. Новый квест. Поехали!

Он подумал несколько секунд и вздохнул.

– Ладно, уговорили. Побултыхаемся в ледяной водичке.

Бармаглот рассмеялся и хлопнул его по плечу.

– Отлично! Это будет весело, я вам обещаю!

– Можно поехать на машине, – предложил Стивен. – Попрошу у отца тойоту, внедорожник. У нее подходящий багажник, чтобы борды крепить. Не на этой же таратайке ехать.

– Здорово, что вы оба согласились! – обрадовался Бармаглот.

Мы попрощались со Стивеном и один за другим вылезли из теплой машины в темную туманную морось.

Мир был пропитан влагой, как губка, дышал ею и источал ее. Город, просвечивающий окнами сквозь серую пелену, казался едва знакомым, может быть, вовсе неизвестным.

– Что вы делаете здесь в такую чертову погоду, милорд? Постоялый двор? Вон там, неподалеку, за углом. Кормят там прилично, но выпивка так себе.

– Мальчик, позаботься о моей лошади.

Тяжелая дверь, кованые петли. За образец можно взять ту дверь в доме кузнеца; интересно все-таки: куда она ведет? Раскаленное нутро камина. Тростник, устилающий пол, хрустит под подошвами сапог. За столом несколько человек, пивные кружки, негромкий разговор, теплый свет – горят пять свечей. Этой ночью на трактир нападет банда рутьеров²¹ – они недавно вернулись с войны несолоно хлебавши. Однако ни рыцарь, ни трактирщик, ни люди за столом еще не знают об этом. – Что желает милорд? Милорд желает...

– Виски и в койку, – вдруг удивительно к месту сказал Бармаглот, ежась и прыгая с ноги на ногу под мокрым ледяным ветром.

– Хороший план.

– Если соседи не нашли заначку, то у меня есть еще немного на дне бутылки. И в горячий душ. И спать. Хорошо бы еще эти козлы не решили опять смотреть телек до пяти утра.

– Про наушники они не слышали?

Я стер локтем воду с сиденья велосипеда.

Барм махнул рукой.

– Да ну их. К осени найду себе другое жилье. Как ты поедешь с дрыном под мышкой? Была бы у меня тачка, как у него, – кивнул он в сторону, куда уехал Стивен, – я бы тебя довез до дому. Вам же вообще почти по дороге.

– Как-нибудь доберусь.

– До завтра! Не навернись там!

Он натянул на голову капюшон толстовки, сунул руки в карманы и побежал, потешно перепрыгивая лужи.

Я оседлал мокрый велосипед. И в самом деле, не очень-то удобно. И дорога скользкая. Если рутьеры нападут сейчас, они возьмут рыцаря тепленьким, вместе с его мечом и старым велосипедом «Омега», на котором развезжала еще его бабушка. Теперь таких велосипедов не делают. А какой у него ход! Видели бы вы его передачу.

До дома я добрался уже промокшим до нитки. Прошел через сад, втолкнул велосипед в сарай. Пока я там возился, Джоан услышала, отперла дверь черного хода и встала на пороге. Ее силуэт темнел в дверном проеме, из-за спины бил яркий свет. Слышались голоса – дома принимали гостей.

– Где ты был? – спросила она. – Я тебе звонила раз сто.

– Ездил в Гарсингтон по университетским делам. Прости, я дурак. Выключил звук перед началом семинара, а потом забыл включить.

– Ладно, – вздохнула она. – Входи скорее. Весь мокрый же! Что это такое длинное у тебя?

– Всякие штуки от байдарки, – соврал я. – Летом поедем с Бармаглотом в Норвегию сплавляться по горным рекам.

– Шею ты там себе свернешь.

– Да что ты, мам. Я же опытный гребец.

Она рассмеялась и потрепала меня по макушке.

²¹ Рутьеры – наемники.

Ну что, мы же правда собирались летом в Норвегию в сплав. Правда, не на байдарках, а на катах²², но это уже детали.

²² Кат (сленг) – катамаран.

3 глава

*Вот ключ от королевства.
В том королевстве есть город.
В том городе есть пригород.
В пригороде есть улица.*

*Английские народные стихи для детей.
Перевод Н. Калошиной.*

– Эй, хозяин! Открывай, или мы высадим дверь!
– Милорд! – испуганно воскликнул трактирщик. – Что нам делать, милорд?
– Как ты думаешь, Якоп, сколько их? – задумчиво спросил рыцарь. Рука его легла на рукоять меча, но лицо было спокойно.
– Человек семь-восемь. Моя жена ходила наверх и смотрела через слуховое окно. Это те самые рутьеры, что неделю назад ограбили дом...

Боже мой, чей же дом они ограбили? Купца? Торговца сукном? Пусть так, годится вполне. Гийом – торговец сукном.

– Те же самые рутьеры, что неделю назад ограбили дом Гийома, торговца сукном.
– А куда смотрят городские власти? Что думает стража? – удивился рыцарь. – Почему они позволяют разгуливать по городу шайкам разбойников? Кто-нибудь следит за порядком в этом городе?

– Никто не следит, добрый милорд, никто! – покачал головой один из постояльцев – высокий тощий мастеровой в сером куколе.

Интересно, почему это никто не следит там за порядком. И что это за город? Пока не удалось об этом ничего выяснить. Жаль, конечно, но пришлось прервать праздные размышления и продолжить работу.

«Город и пригород. Граница между тем и другим в данный период может показаться не такой уж очевидной. Горожане ведут жизнь практически крестьянскую, возделывают виноградники, сеют хлеб. Внутри городских стен и в черте городской застройки на лугу пасется скот. Город и пригород завязят друг от друга экономически. Многие горожане имеют собственность за пределами города. Муниципальные власти...»

Рука вдруг остановилась, повисла, паря над клавиатурой.

Что – «муниципальные власти»?

«Муниципальные власти заинтересованы в насыщении внутригородского рынка товарами за счет прилежащих к городу деревень». Бла-бла-бла.

«К началу XII века такое явление, как городской патриотизм, можно считать окончательно сформировавшимся. Горожанин, как бы беден он ни был, пользуется привилегией, оставаясь под защитой городских стен, тогда как жителями предместий нередко намеренно жертвуют».

Набрал общий текст. Налепил ошибок. Завтра сесть и поправить все. И ссылки, и сноски. На голубой свет монитора приползли с полки два пластиковых солдатика, пеший и конный – рыцари времен войны Алой и Белой розы. Почему-то встали рядом с клавиатурой. Рука сама потянулась за третьим.

«Четким символом противопоставления города деревне продолжает оставаться городская стена... “Град имеет форму круга, и сия удивления достойная форма есть знак его совершенства”, – пишет брат Бонвезино далла Рива в своем труде “О дивах града Медиоланского”».

Тихий стук в дверь.

– Да входи уж.

Длинный он. Пролез костлявым плечом вперед и смотрит на меня. Голова кажется маленькой, сам такой узкий, точно может просочиться в щель. Я тоже был таким три года назад? Нос сливой. Забавный. Почему-то и жалко его, и в то же время досадно, что пришел. Младший брат. Ничего не чувствую. Прыщи на щеках пополам с нелепыми волосками пробивающейся щетины. Глаза темные, как у Джоан. Вид побитый. К братьям полагается испытывать какие-то чувства. Может быть, я просто вообще на чувства не способен?

– Чем занимаешься?

– Пишу эссе.

– О чем?

– О городской стене.

– Получается?

– Ну да, вроде того. А ты чем занимаешься? Чего грустный?

Пожал плечами.

– Шпилил в Доту, но сагрил моба и меня слили²³.

– Ха. А в реале?

– В реале все окей.

– Ну и забей. Заспавнишь перса²⁴ и начнешь сначала. Лучше скажи, мы ужинать будем сегодня? Джоан вернулась?

Он осторожно опустил свой тощий зад на табуретку и заглянул мне в лицо.

– Почему ты за глаза всегда зовешь маму «Джоан» или «миссис Осборн»?

– Хм.

Я всегда называл ее «Джоан». Даже в те давно прошедшие времена, когда мы жили одной семьей в Эдинбурге: отец, Джоан, я и Лукас. Лукас был еще совсем малявка, но я хорошо его помню в то время. Особенно как он ныл по ночам. И как грыз печенье – у него все рубашки были обмазаны этим печеньем. И как запускал лапы в мое лево, крушил домики и калякал фломастером в моих книжках. В общем, ничего хорошего.

²³ «Шпилил в Доту, но сагрил моба и меня слили» – «Играл в Доту, но разозлил монстра и он меня убил».

²⁴ «Заспавнишь перса» – «Воскресишь свой персонаж в игре» – труднопереводимый геймерский сленг.

Когда Джоан забрала Лукаса и ушла жить к Майклу Осборну, отец стал звать ее «миссис Осборн». Так и говорил с горькой усмешкой: «Во сколько у тебя заканчиваются занятия завтра? Миссис Осборн приедет, хочет повидаться с тобой».

Именно тогда, в одну из тех наших встреч – мы виделись пару раз в месяц, – она впервые попросила меня называть ее «мама», а не «Джоан». Видимо, в тот момент ей это было важно.

– Я же все-таки твоя мать, – сказала она.

Мне не хотелось, чтобы она догадалась, как меня задевает их разрыв с отцом. Пусть думает, что мне все равно. Если бы я стал спорить, она бы сразу поняла. Но я упрямый шотландец, и в шесть, и в семь лет уже был таким. Сдохнуть, но не показать, как мне больно. Плевое дело. Сжать зубы и сказать наконец слово, которого никогда не говорил. «Мама».

И я начал, обращаясь к ней, называть ее так, как ей хотелось. Чтобы она знала, что мне все равно. Но про себя я никогда не звал ее так. Не думал никогда ничего вроде «я еду к маме».

– Не знаю, – проговорил я, глядя в темные, какие-то телячьи глаза Лукаса. – Я всегда ее так звал. Ты же тоже зовешь отца «Дуг». И я его так зову.

– Но я же не зову его «мистер Мак-Грегор».

– Это было бы смешно, знаешь ли. Ты и сам мистер Мак-Грегор.

– Ты все еще злишься на нее за то, что она ушла к Майки?

Я пожал плечами.

– Я люблю Майкла. И Джоан тоже люблю. Взрослых, конечно, не всегда легко понять, но я как-то это пережил. Ты же сам, я думаю, понимаешь.

– Ну да, – вздохнул он. – Только я тогда был совсем маленьким и ничего не помню.

– Они поделили нас с тобой. Отец мне потом рассказывал. Сели и поделили. Я был очень привязан к Дугу, а ты был совсем мелкий. Они решили, что мне будет лучше остаться в Эдинбурге, с отцом. Тем более что я уже начал ходить там в школу. А тебе уехать с матерью, потому что ты от нее не отходил ни на шаг. Ну и потому, что ты реально был маленький.

– Ну да, – кивнул он. – Я тоже сто раз слышал эту историю. Не очень-то это весело.

– Совсем не весело, – согласился я.

– А что отец? Знаешь, мне сейчас стало казаться... Я раньше никогда об этом не думал. Но ведь он так и не женился снова.

– Хм. Не женился. Но у него всегда было полно девушек. Да ты же знаешь. Уилма – помнишь, когда ты к нам приезжал три года назад, она жила у нас. И Дорин.

– Я помню Уилму, – кивнул он. – Я всегда думал, она у вас работала.

– Нет.

– Ни фиги себе!

– Сейчас у него новая подружка, – сказал я. – Она итальянка.

– Ни фиги себе!

– Лукас. – Я покачал головой. – Ты же взрослый малый уже. Ты считаешь, отец должен был стать монахом?

– Нет, не считаю. Просто я думал: «Вот как, бедный Дуг. Он так и не женился».

– А он оказался не такой уж и бедный, – хмыкнул я. – По-моему, ты должен радоваться.

– Наверное, я радуюсь. – Он пожал плечами. – Почему у тебя все руки в таких страшных синяках?

– После спарринга.

Я посмотрел на свои руки. Рукава свитера были закатаны, и действительно на руках полно черно-синих продолговатых синяков. Надо больше работать над техникой защиты.

– Жесть, – поежился Лукас. – В боксе такого не бывает.

– То-то ты месяц назад разгуливал с фингалом под глазом.

Он засопел носом.

– Это было другое.

Внизу хлопнула дверь, из прихожей послышались голоса и смех.

– Мама с Майклом вернулись! – обрадовался Лукас. Вскочил, вылетел за дверь и забыл закрыть ее за собой.

Я слышал, как он прыгает по лестнице – пролет в один прыжок. Что-то мне даже стало завидно. Я подумал – как давно ни к кому я не бежал навстречу так восторженно. Отец и дед всегда видели во мне взрослого, и я старался с ними быть равным. При встрече я удостоивался рукопожатия. Когда был ребенком – иногда поцелуя в лоб. Это Джоан бежала ко мне, когда приезжала в Эдинбург специально, чтобы встретиться со мной. Я шел рядом с отцом, даже не держась за его руку. Я был большой парень – шесть лет. А она, увидев нас, издалека бежала навстречу. У нее был уже довольно большой живот – Оливия должна была родиться в ближайшие недели. Джоан кивала отцу, садилась на корточки, брала меня за руки, целовала в щеку. Я испытывал резкое чувство неудобства в этот момент, но стеснялся сказать ей об этом. Мне не хотелось ее обижать, но, если честно, внутри я просто каменел.

«Мы привыкли воспринимать средневековый город как некое пространство, обнесенное высокими каменными стенами со сторожевыми башнями и крепкими воротами. Однако стена, отделявшая город от села, даже в XIV веке нередко представляла собой самую обыкновенную ограду: частокол, камни или бревна, обмазанные глиной. В случае опасности или разрушения горожане латали и укрепляли ее. Но даже такая стена оставалась знаком разделения, как вещественным, физическим, так и метафорическим и социальным, отделяя пределы города от пределов сельских; права и привилегии обитателей мира внутри замкнутого круга – от мира за его пределами, мира, который не мог рассчитывать на покровительство городских стен».

За окном снова шел дождь, ветер срывал листья с деревьев. Самый хвост ноября. До конца Михайлова триместра²⁵ осталось три дня. Все контрольные эссе я сдал, кроме одного, но завтра закрою и его. Так что свобода. Относительная, конечно, потому что на каникулы тоже задают немало, чтобы мы, не дай бог, не заскучали.

На кафедре спросили, не сможем ли мы задержаться на неделю-две, чтобы помочь с собеседованиями. В Оксфорде так устроено: кто хочет поступить, в октябре-ноябре подает доки, а в декабре приезжает на интервью. Студенты как раз разъезжаются на каникулы, а у преподавателей и аспирантов завал работы с документацией, к тому же кто-то должен следить за толпой оголтелых тинейджеров, которая в это время наводняет город. Странно представить, что два года назад я сам был такой.

Ну, я подумал и согласился задержаться, и Бармаглот тоже за компанию со мной. Захотели помочь еще Стейси Стейнхоуп, Лоис Браун, Говард Стамп – он уже в магистратуре учится – и некоторые другие ребята и девочки. Поэтому, вместо того чтобы побросать свои вещи в рюкзак и отправиться домой в Эдинбург, я проведу в Оксфорде еще пару недель. Думаю, Джоан обрадуется, когда я ей об этом скажу.

На самом деле в том, что я не спешил уехать, была определенная корысть: я хотел еще немного посидеть в библиотеке с этой «Мифопоэтической традицией кельтов», которую мне задал на каникулы профессор Уотермид. В Троссаксе у меня не будет доступа к такому количеству материалов. А это не та работа, которую хочется спихнуть поскорее.

²⁵ Учебный год в Оксфорде поделен на триместры. Первый в году триместр святого Михаила, начинающийся на рубеже сентября – октября, заканчивается рождественскими каникулами, после них идет триместр святого Иллариуса, продолжающийся до Пасхи и пасхальных каникул, за которыми следует триместр Троицы, завершающийся летними, или длинными, каникулами.

Снизу из кухни поднимались какие-то просто невероятные запахи. Джоан готовила отбивные. Я еще не закончил с городской стеной, но вдруг понял, что больше не выдержу, и спустился вниз. Эссе не убежит, и к утру я точно все доделаю.

Ну и в конце концов оказалось, что я все правильно рассчитал. Две недели прошли с пользой. Вечерами я зависал в библиотеке, удачно начал и структурно проработал текст. Все больше убеждался в том, что это, возможно, самая важная и интересная для меня тема, то, ради чего мне вообще стоит пахать исторические поля. Все, что я с детства знаю и люблю: великие барды, и король Артур, шотландский, ирландский и валлийский эпос, и то, как миф связан с реальной историей. Днем мы с ребятами работали на кафедре, после сидели в «Белом кролике»: болтали, ели пиццу, играли в настолки. Однажды Стейси и Лоис звали всех к себе в общагу и накормили булочками. У нас сложилась неплохая компания. В последний день мы даже собрались в «Синей ящерице» – безумном ночном клубе, хотелось нашу последнюю встречу отметить так, чтобы она запомнилась.

Большая часть студентов разъехалась на каникулы, и в «Синей ящерице» было пусто по сравнению с тем, что там обычно творится, но музыка гремела как всегда так, что приходилось изрядно напрягаться, чтобы поговорить с соседом. «Синяя ящерица» подходящее заведение, когда ты хочешь протупить весь вечер и забить на все, но для общения – место так себе.

– Что будешь делать на каникулах, Мак? – прокричала Лоис. Она была невысокая девушка, прямо Дюймовочка. Забавно было наблюдать, как она сидит на барном табурете и болтает ножками.

– Поеду домой! – проорал я в ответ. – А потом с Чарли в Корнуолл.

Бармаглот в подтверждение моих слов кивнул, не отрываясь от своего стаута.

– А ты, Стейси?

Стейси ростом Бог не обидел, всей своей фигурой она элегантно вписалась в угол стойки, потягивала через соломинку безалкогольный коктейль. Светлые волосы ее были заплетены в тысячу мелких косичек и рассыпаны по плечам, по жемчужно-серому свитеру.

– Я лечу к родственникам в Австралию, – сказала она. – В тепло.

– Я тоже хочу в Австралию! – вздохнул Говард, посмотрев на нее сквозь очки. – Там кенгуру.

Стейси снисходительно улыбнулась и ничего не ответила.

С Говардом до сих пор мы были мало знакомы, но совместная работа на кафедре и общие посиделки в «Кролике» нас как-то сдружили. Он был хороший парень, хотя Лоис говорила о нем «скучный». Но я этого не понимаю. Мне кажется, я тоже жутко скучный. Вот Барм – нет. Он умеет на гитаре играть, отлично поет, танцует, вообще душа компании. А я, как и Говард, предпочитаю молчать, когда вокруг меня туса и шумное веселье. У Говарда, кстати, интересные работы по военной истории, я читал его статьи. Как по мне, человек, который пишет такие статьи, уже априори не скучный.

– Давайте еще выпьем, – предложил Барм. – С Рождеством!

– С Рождеством! Неплохо мы провели эти две недели! – Лоис тряхнула длинной каштановой челкой.

– Мне тоже понравилось! – кивнула Стейси. – Предлагаю на следующий год также остаться на каникулы. Полупустой колледж под конец и ощущение, что весь город – наш, это незабываемо.

– И настолки в «Белом кролике», – кивнул я.

– Вообще огонь! – рассмеялась Лоис.

Ну, нам и в самом деле было весело вместе, и мы пообещали друг другу, что повторим через год, проведем начало рождественских каникул в городе, как и в этот раз.

Я вернулся домой поздно, собрал рюкзак, сложил ноут. «Мифопоэтическая традиция» была почти дописана. На другой день я простился с Оксфордом и рванул в родные края.

4 глава

*Раздол Туманов – страна оленей,
Раздол, одетый в зеленый цвет;
благоуханней, благословенней
в горах окрестных приюта нет:
здесь почва в пятнах, очам приятных,
щедр, цветущ, сладка, чиста,
вздыхает вянью и ароматно,
и здесь косуля всегда съта.
Плащом просторным, тяжелым дерном
укрыты скалы как бахромой;
в зеленых косах, в тяжелых росах,
что высыхают глухой зимой.*

Дункан Бан Макинтайр.

«Раздол Туманов» (1762).

Здесь и далее перевод Е. Витковского.

«Прогноз расстарался и обещал к твоему приезду снежное Рождество по всей Шотландии», – писал отец накануне. Я читал его письмо на планшете, в окошечке профиля был пусто: Дуг не счел нужным заполнить его своей фотографией. А жаль. Я соскучился по нему.

«Алистер сказал, что встретит тебя в Стерлинге двадцать третьего, созвонись с ним. Я пытался научить его наконец пользоваться скайпом, но он, как всегда, уперся и ни в какую».

Хорошие новости Дуг предпочитает сообщать подробно, по электронной почте, а пару раз в неделю мы обмениваемся эсэмэсками примерно такого содержания:

– Ты как?

– Ок. А ты?

– И я.

Но если есть что-то интересное, о чем следует рассказать подробнее, я пишу ему на почту или мы звоним друг другу. Иногда говорим по скайпу, но совсем редко. А с дедом общение – это всегда только телефонный звонок.

– Глаза у меня уже не те, чтобы разбирать крошечные буквы, да и пальцы слишком грубые, чтобы в эти ваши кнопки попадать, – ворчит он, когда предлагаешь ему освоить что-нибудь новое.

Небо над Эдинбургом простуженно хлюпало. Туча заходила с запада, плыла, плыла, пока не поглотила полгорода, не съела верхушку Артурова Трона.

Я немного устал, все-таки пять часов в поезде. Отец еще не пришел с работы, дома никого. Почему-то это было хорошо – сам не знаю почему, вообще-то я соскучился. Я сидел в гостиной, подвиснув в венском кресле-качалке, поджал под себя ноги, не шевелился. За тройной створкой окна ветер раскачивал березу, с красного клена уже облетели почти все листья. Оба дерева были посажены перед домом одновременно, росли голова в голову, давно уже стали выше остроконечного конька крыши.

Елку вынули из чулана, но не собрали, она лежала все в той же старой коробке, в гостиной на диване, близко от меня. Я качнулся в кресле, дотянулся до коробки, приоткрыл крышку. Когда я был ребенком, отец каждый год покупал настоящую елку. Потом появилась традиция покупать маленькую живую елочку в бочке. В марте-апреле мы высаживали ее в лесу или в парке. Когда я учился в школе, позапрошлая папина подружка, Уилма, купила искусственную елку. Серебряную. Ее поставили в гостиной. Наши старые ватные игрушки странно смотрелись на ее ветках, и Уилма украсила дерево бантиками. С тех пор каждый год эта серебряная елка как-то сама собой возникала в гостиной напротив камина. На мой взгляд, в стенах нашего дома она выглядела чужеродно. Но кто я такой, чтобы спорить с женщиной?

Уилму сменила Дорин, но она тоже считала варварством ставить на Рождество живую ель.

В этом году в доме хозяйничала Марта. Ворсистый коврик под вешалкой, ящик вязаных полосатых тапочек. Новые картинки в прихожей и занавески в кухне – стиль кантри или бохо, как-то так это называется. На буфете появился букет сухих цветов, в сушилке стояли две незнакомые кружки. Не знаю, что она думала про серебряную елку. Может быть, это отец достал коробку, чисто по инерции. У Марты было мало свободного времени – она работала дизайнером в какой-то маленькой фирме и почти всегда пропадала на работе. Она отлично пекла пирожки с сыром и вообще любила готовить. Каждый раз, когда я приезжал, меня обязательно ждало что-нибудь вкусное.

Марта приятно удивила меня еще и тем, что ничего не тронула в моей комнате. Уилма всегда рвалась навести там порядок. Дорин в мое отсутствие, напротив, заполняла мою комнату коробками с ненужными и лишними, как ей казалось, вещами. С отцом они расстались внезапно, и после ее ухода он еще долго разбирал эти коробки и возвращал на место книги, эстампы из гостиной, ковер на стену из бывшей детской – моей и Лукаса. Смешной коврик-аппликация, изображавшая море, с карманами в виде кораблей, куда можно было сажать пухлых, одетых моряками куколок. Наши с Лукасом и еще отцовы детские игрушки, старинную прабабушкину посуду, стопы потрепанных журналов – возможно, и правда никому не нужных, но, сколько себя помню, всегда обитавших на полке на последней лестничной площадке под самой крышей. Бывало, вынешь какой-нибудь из них, сядешь на подоконник и зависнешь на полчаса, погрузившись в новости пятидесятилетней давности.

В гостиной было холодно: дом на Драйден-плейс пустует до вечера, и днем отец экономит на отоплении. Я мог бы включить обогреватель, но впал в какое-то полусонное оцепенение – просто сидел в кресле с открытой книгой и ждал, когда придет Дуг или хотя бы Марта. Тишина. Только и было слышно, как тикают большие часы. За окном постепенно сгущались сумерки, дождь сек стылое стекло, от окна тоже веяло холодом. Я так и не снял куртку – настолько было холодно – и сидел в родном доме как на вокзале.

Часы вдруг стали бить. Я люблю их бой, но тут вздрогнул от неожиданности, так громко и гулко звучал их голос в абсолютно пустом доме. Странное чувство вдруг возникло, я подумал:

вот так здесь все и происходит, когда меня нет. С другой стороны – я же здесь. Но если сидеть очень тихо, не включать свет и не шевелиться, вполне можно сделать вид – в том числе и для самого себя, – будто дом совсем пуст, и тебя в нем нет, и только оглушительно бьют старые часы.

Внезапно пришел отец, ключ повернулся в замке, и в прихожей щелкнул выключатель, впусив в темную гостиную полоску легкого света.

– Уолден? – осторожно позвал Дуг.

Похоже, я немного перестарался, притворяясь, что меня нет в доме: получилось слишком убедительно. Я вышел, мы пожали друг другу руки и обнялись.

На кухне было темно и как-то совсем холодно.

– Замерз? – спросил он. – Почему не включил отопление?

Я пожал плечами.

– Сейчас придет Марта, будем ужинать.

– Я заглядывал в холодильник, – сказал я. – Он абсолютно пуст. Там был только открытый стаканчик йогурта. Он заплесневел, и я его выкинул. Даже думал пойти купить какой-нибудь еды на ужин.

Дуг махнул рукой.

– Марта все купит по дороге. Обещала вечером приготовить пасту с курицей и ананасами.

– Ого. Неплохо ты тут живешь.

Он рассмеялся.

– Да это только в честь твоего приезда. Меня так никто не балует.

– Вы же приедете послезавтра к нам с Алистером?

– Еще бы. Марта купила мешок подарков, он стоит в багажнике. Между прочим, знаешь, они с Алистером, кажется, нашли общий язык.

– Я заметил, – хмыкнул я.

– Алистер что-то говорил о ней?

– Нет.

Ничего он не говорил. Странно было бы ждать от деда, чтобы он вдруг стал обсуждать со мной отцовых девушек. Еще полгода назад, когда Марта только появилась, а я приезжал в Троссакс, он за чаем пробурчал, так, между прочим:

– Видел новую пассию Дуга.

И не нахмурился, как обыкновенно делал, а ухмыльнулся куда-то внутрь себя.

Отец снял пальто и бросил его на диван. Мы сели за пустой стол. Дальний конец его был покрыт льняной скатертью, аккуратно подвернутой наполовину, чтобы не пачкалась. Тоже Мартино нововведение, до нее никаких скатертей в этом доме не водилось. Ближе к нам, почти посередине стола, стояла пепельница. Вот она всегда в нашем доме была, сколько себя помню – серебряная пепельница в виде небольшого озерца, на берегу сидят три утки и плятятся на горку пепла, которая растет в их водоеме.

– Вообще-то я должен бы сообщить тебе кое-что сейчас, пока ее нет дома. – Отец смотрел на меня с немного насмешливой улыбкой.

– Валяй, – кивнул я. – Ты собрался жениться?

Он рассмеялся, щелкнул по сигаретной пачке, вытянул сигарету, не стал прикуривать, а положил на край стола.

– Догадливый сын. И что ты скажешь?

– Давно пора.

Он беззвучно расхохотался, откинув голову назад.

– Ну Алистер же, слово в слово.

– Хм.

– И так же хмыкаешь, как он. Лет через пятьдесят станешь таким же.

– Ничего не имею против. Когда свадьба?

– Летом. Нужно время. Марта из очень крепкой католической семьи, она всерьез настроена венчаться. Мы с Джоан не были венчаны, но отец Мак-Ги считает, что все равно надо бы получить разрешение на брак. Он уверен в благополучном исходе, но хочет, как всегда, подстелить соломки. Ох уж эти женщины и эти старики, Валли.

– Должны же быть какие-то абсолютные вещи, пап, – сказал я. – Основы. На первый взгляд, может, и глупость. А посмотришь с другого угла и понимаешь, что это та самая черепаха, на которой держатся слоны и весь мир по большому счету.

– Удивительно, что ты так рассуждаешь в свои годы. – Прикуривая, отец плотно сжал губами кончик сигареты.

– Все-таки изучение истории дает какой-то общий взгляд на то, чем живет мир от начала времен. Хочешь не хочешь, но начинаешь прозревать некоторые закономерности.

Он снова тихо рассмеялся, затаился, выпустил струйку дыма под потолок. Сощурил узкие серые глаза и посмотрел на меня пристально.

– Пару дней назад мы сидели с коллегой Григом в обеденный перерыв в кафе «Коста». Он жаловался на своих детей, а заодно и на своих родителей – те оба родом с острова Скай. «Представляешь, – сказал он мне, – когда я был ребенком, родители и дед с бабкой переходили на гэльский, если хотели скрыть от меня смысл разговора. Сам я так и не выучил гэльский, не пришлось. То же самое моя жена. Но мои сыновья принадлежат к тому поколению, которое заново приобщилось в школе к языку дедов, и теперь когда они хотят скрыть что-то от нас с женой, то говорят между собой по-гэльски».

– Забавно.

– Полагаешь? – усмехнулся он и стряхнул пепел о серебряную, до блеска натертую спинку утки.

– Ладно, никогда не стану говорить при тебе по-гэльски, – пообещал я. – Но ваше поколение тоже могло бы засесть за учебники и подтянуться, вместо того чтобы жаловаться.

Он рассмеялся.

– Тоже верно. Но мозги уже не те, Уолден. Языки надо учить в детстве.

– Отговорки чистой воды! – пробурчал я.

Девятьсот девятый идет до Стерлинга чуть больше часа, но этого оказалось достаточно, чтобы я задремал, откинув голову на спинку сиденья. Сон утянул меня в свои бескрайние поля, там был Одинокий Рыцарь, туман над вересковой пустошью и неведомая угроза со всех сторон. Квест не из самых приятных. Я даже обрадовался, когда очнулся в Стерлинге за минуту до прибытия. Долго втыкал на громадную серую цитадель автовокзала, не в силах понять, где я и что происходит. Выходить из салона пришлось медленно и аккуратно, чтобы не снести никого своим рюкзаком, не задеть длинным чехлом для велосипедов.

Крепкий морозный ветер налетел с севера, от него пахло морем, сырыми еловыми склонами. Я прошел вдоль вокзала, свернул и сразу увидел веселую розовую вывеску «Баскин Роббинс» – только Алистеру могло прийти в голову назначить встречу в кафе-мороженом в такую погоду. Когда я был маленьким, он иногда специально возил меня в Стерлинг, чтобы есть мороженое, потому что и сам был не прочь. Всегда заказывал себе три шарика фисташкового и три кофейного. Я тоже большой консерватор в этом вопросе, но мое сердце с детства принадлежит ванильному пломбиру с шоколадной крошкой.

У входа рядом с рекламной раскладушкой жался крупный мужик, одетый рожком мороженого, с розовыми шариками на месте головы. Он мерз и прыгал с ноги на ногу, чтобы согреться.

– Хорошая погодка, – сказал я ему.

– Черт бы ее побрал, – согласился он и высунул руку из прорехи сбоку. Крепкая красная обветренная клешня с не очень-то чистыми щербатыми ногтями. Я пожал ее и вошел в кафе.

Дед сидел за самым дальним столиком у окна. Крепкий, крупноголовый, с короткой – от уха до уха – седой бородой, в рыбацком свитере, он забавно смотрелся среди розовых воздушных шариков. Они украшали кафе в этот день – я уж не знаю, в честь чего. Дед не сразу заметил меня, а я не мог сдержать улыбки, глядя на то, как аккуратно он собирает мороженое ложечкой с краев креманки. Оскар спокойно сидел у его ноги и тоже не замечал меня. Я смотрел на них прямо с каким-то умилением. Но тут Оскар что-то заподозрил, потянул носом, вильнул хвостом и вперевалку пошел мне навстречу. Я сел на корточки и встрепал его мягкие бежевые уши. Оскар – собака очень приятная на ощупь.

Дед поднял голову. Слегка кивнул и чуть приподнял правую ладонь.

– Здорово, – сказал я, подсаживаясь к нему. – Как дела?

– Что-то ты заставил себя ждать.

Оскар никак не мог успокоиться, все вилял хвостом. Темные его глаза в розоватых обводах показались мне полными слез, хотя я и знал, что это не так.

– Дорога скользкая. Автобус еле полз.

– Хм. Я уж решил, ты передумал.

– Ну, я позвонил бы, случись такое.

– Будешь? – Он мотнул головой на пеструю витрину с мороженым.

– Да я смотрю, ты уже все съел.

– Я не откажусь от второй порции, – буркнул он. – Пломбир с шоколадной крошкой?

– И кофе с ромом.

Он кивнул на длинный чехол у меня за плечом.

– Весла, что ли, привез?

– Нет. Приедем – покажу.

– Хм. Хорошо. А то не пойму – зачем сюда со своими веслами-то.

Через полчаса он вывел со стоянки серый ренджровер. Не новая колымага, прямо скажем, но деду служила верой и правдой, и менять ее на другую он не собирался.

Оскар запрыгнул на переднее сиденье – это было его постоянное место, – поспешно подобрал хвост под плотный зад и еще поерзал, чтобы убедиться, что хвост спрятан надежно.

– Не хочешь весла в багажник?

– Дед, это не весла.

– Хм. Запомятовал.

Я забрался назад и положил чехол на колени. Поехали.

Ренджровер неторопливо катил по Думбартон-роуд. Привычный пейзаж. Я скучал по нему. Справа методистская церковь. Слева – боулинг-клуб. Мы с Алистером не раз в нем бывали. «Старый да малый», – говорил отец.

Пошли одинаковые коттеджи, поделенные окнами на дольки, как плитки шоколада. На холме в сыром мраке зимнего дня таял силуэт замка Стерлинг, британский флаг над ним обвис бесформенной тряпкой и только вяло вздрагивал под порывами ветра.

– Дуг говорил, обещали снег на Рождество.

Алистер помолчал, потом подтвердил коротким кивком:
– Ляжет.

Сосны, коттеджи, поля, снова сосны, поля и коттеджи. Проехали поворот на Сафари-парк. Как я любил там бывать в детстве. Столько там всего прекрасного. Особенно слоны. Дед нанимал лодку, и мы подолгу катались по большому пруду с островом, на котором стояли кабинки – домики для уток и лебедей. Я бросал им крошки, а они плыли за нашей лодкой, как почетный эскорт.

– Помнишь, там был носорог? – спросил я Алистера.

Он откашлялся.

– Он и посейчас там. Никуда не делся.

Проехали здание закрытой школы – той, в которую меня так и не отдали в свое время. По футбольному полю гоняли мяч старшеклассники в фуфайках, гольфах и коротких штанах. Мяч тяжело летал и плюхался в мокрую грязь. По идее, у них давно уже начались каникулы, но эти почему-то все еще в школе. Может, просто приехали на тренировку.

Полгода я не был здесь и точно все узнавал заново: серые и белые домики нижнего города, церковь и кладбище – и вверх! На вершине мир будто стремительно выворачивается наизнанку, как мешок, выпуская вас со дна на свободу, к огромному, все заполонившему небу. Это Шотландия – она такая, да. После того как поживешь внизу, начинаешь ее особенно ценить.

Впереди, над растворенными в тумане силуэтами гор, висела, сползая все ниже, огромная серая туча. Когда мы въезжали в Аберфойл, небу надоело плевать серой кашей и оно пошло сыпать белыми хлопьями – крупными и легкими.

– Вот тебе и снег, – довольный, буркнул Алистер.

– Наводнения не было в этом году?

– Маленькое, – отозвался он, показав двумя пальцами что-то вроде щепотки в полсантиметра. – Вода чуть выше щиколотки.

– Норм.

– Да говорить не о чем.

Не так давно, года три назад, в декабре, при обильных дождях Аберфойл затопило так, что жители плавали по улицам в байдарках.

Мы медленно ехали по Мейн-стрит с ее магазинчиками. Вон в том маленьком супермаркете дед затаривается едой раз в неделю. Хозяйка магазина – рыжая Пенни, толстая приветливая женщина. Сколько себя помню, я всегда получал от нее какой-нибудь небольшой презент, если приходил вместе с дедом: киндер-сюрприз, шоколадку или леденцовую свистульку. Сейчас, в преддверии Рождества, в витринах переливались разноцветные лампочки, лежали еловые ветки, стояли куклы. Не как в магазинах в больших городах, а просто как в самом обычном доме. Скорее всего, это были те самые куклы, с которыми Пенни играла еще девочкой. Надо бы навестить к Пенни и поздравить ее в эти дни.

А вон – хозяйственная лавка. Когда мне было семь, дед купил мне тут веллингтоны²⁶, лучшие из всех, какие у меня были в детстве. Черные, как у взрослых, как у него самого, с петлями на голенищах. Настоящие. А еще мы покупали здесь уключины для лодок и много всякого другого.

²⁶ Веллингтоны – резиновые сапоги.

За серыми крышами домов были только голые зимние поля и низкое небо. Аберфойл – крошечный форпост цивилизации – остался позади. Дорога ведет все дальше, через густые леса Троссакса, к озеру Лох-Фада. К Дому Короля-Рыбака и его Королевской Рыбалке.

Дальше движение на авто запрещено, въехать можно только по специальному пропуску или по приглашению. Поэтому все, кто приезжает к нам в гости на автомобиле, должны сначала согласовать это с дедом. У Дуга и у самых близких дедовых друзей, таких как отец Мак-Ги или Кавендиши, есть ключи от шлагбаума. Пешеходам же и велосипедистам тут вход свободный. Туристы любят фотографировать развалины лодочных сараев, старый причал; иногда им удается запечатлеть и наших пони, пасущихся на берегу. Иногда я специально ищу эти фото в интернете, забавно бывает посмотреть на свою жизнь со стороны.

Чтобы проехать к манору, надо свернуть на узкую грунтовку, что ведет через лесные заросли. Два автомобиля здесь не разойдутся. Во время больших дождей, бывает, дорогу заливают, и тогда колеса буксуют в грязи.

За рядом буков и лиственниц, чуть тронутая ветром, колыхается стывшая поверхность озера; все замерло, будто никто и никогда не нарушал этой тишины. От вида леса, запрокинутого в глубину ледяного озера, сводит скулы. Снег лежит на земле, на траве, на прелых листьях, на коряге, что причалила к берегу, на листьях плауна, на крыше заброшенного сарая, на бортах и скамьях полусгнившей лодки, что выросла в топкий берег.

Вот конек крыши выглянул из-за кленовых макушек, вот башни и стены. Манор, как и все дома в округе, сложен из местного серого камня, но за шестьсот с лишним лет перестраивался не раз, поэтому кладка неоднородна. «Проведите незабываемый уикенд в суровых стенах настоящего шотландского замка на берегу лесного озера Лох-Фада. Вечер в рыцарском каминном зале у жарко натопленного средневекового очага, настоящий шотландский виски, домашний ужин, приготовленный в традициях местной кухни, конная прогулка по берегу или путешествие по озеру на лодке – все это ожидает вас в гостинице “Лесная вершина”».

Никогда не верьте путеводителям. Стены выглядели бы куда суровее, если бы не пластиковые рамы. Нравится это кому-то или нет, но туристы и постояльцы – единственный способ сохранить жизнь манору. Двести лет назад «рыцарский каминный зал» был спальней для мужской прислуги, а «средневековый очаг» сложили уже на моей памяти. Полдома сданы в долгосрочную аренду властям округа Стерлинг под гостиницу и музей. Так что если, например, требуется ремонт канализации в музейно-гостиничной части, там, где «рыцарский зал», «средневековый очаг» и секретная комната, в которой во времена преследований прятали католических священников и яkobитов и где, говорят, когда-то укрывался от преследователей сам Рыжий Роберт, более известный миру под именем Роба Роя, – за это платят муниципальные власти. А вот если тонет в дерьме жилая часть – деду приходится раскошелиться самому. Но и в том, и в другом случае это его забота, ибо он не только владелец дома, но и управляющий директор этого «туркомплекса».

Зимой экскурсии бывают редко, но желающие пожить в «настоящем шотландском замке» находятся почти всегда. Стоит это столько, что нам было бы не по карману жить в собственном доме. В сезон все пять спален бывают заняты на пару месяцев вперед, зимой – обычно только одна-две, и то периодически. Вот и сейчас еще издали из-за кустов я заметил в гостиничной части двора маленький красный пикап – ярким пятном он прямо горел на монохромном зимнем фоне.

– Постояльцы?

– Муж и жена, – кивнул Алистер. – Американцы. Ты с ними познакомишься. Хорошие люди. Он отлично играет в шахматы. Я показал им библиотеку.

В принципе при музее имеются два профессиональных гида, Дэниэл и Лесли. Кто-нибудь из них обычно приезжает из Стерлинга, когда заказывают экскурсию и в них есть нужда. Однако бывает, что и Дэниэл, и Лесли оба заняты на другой работе, и тогда Алистеру приходится проводить экскурсию по замку самому. Я не раз наблюдал, как он это делает.

– Спальни, – хмуро говорит он, махнув рукой в сторону спален. – Здесь спали. Вон она – кровать. Это Арсенал. Вон справа, там за стеклом, в витрине.

– Кольчуга? – робко спрашивает экскурсант.

– Хм, – охотно соглашается Алистер.

– И копье?

– Да нет, – говорит второй экскурсант, – это не копье, это дротик. Шотландцы всегда отличались большим мастерством в метании дротиков. Особенно Мак-Грегоры. Их еще называли «дети тумана», потому что они стремительно появлялись из тумана и метко бросали дротики в своих врагов.

Дед слушает с одобрительной улыбкой.

– Откуда ты все это знаешь? – спрашивает первый экскурсант.

– Из путеводителя, – объясняет второй. – Подтвердите, мистер, – обращается он к деду.

– Да, все так, – соглашается дед. – Только это не дротик.

– Это вертел для крупной дичи! – тем временем делает открытие первый. – Вон там написано на табличке.

Порой бывает, что кто-то из туристов или постояльцев вызывает у деда какую-то особую симпатию. Тех, кому это удается, он зовет в гости, приводит в жилую часть дома, показывает настоящий «каминный зал» – нашу небольшую гостиную, камин, развалившийся еще в восемнадцатом веке и грубо, без претензий перестроенный в начале двадцатого. Картины на стенах, настоящий портрет Дугласа Алистера (в музее висит копия), библиотеку, витраж с зимородком. Поит чаем или виски на кухне, объясняя, как был устроен очаг и что в нем сохранилось от шестнадцатого века. Где помещалась мойка, куда выходил слив, как было устроено отхожее место и прочие любопытные подробности сурового быта наших предков. Под конец покажет дырки от пуль, выпущенных из аркебуз проклятых Кэмпбеллов.

– Пули так и остались в перекрытиях, – скажет обязательно. – Они там до сих пор. Так и сидят с того самого времени.

И гость внезапно преисполнится почтения и благоговения.

Оливер, как всегда, первым выскочил из машины, почапал по двору вперевалку, разлаписто, как все лабрадоры. На голову ему сыпал снег, и он потешно встряхивал ушами. От ворот к крыльцу за ним протянулась цепочка глубоких следов. Все уже укрыло снегом – и каменную ограду, и темно-красные кусты барбариса, и лужайку перед домом, и пристройки.

Первым делом я прошел в конюшню. Сейчас там стояли только Боб, Розы и Трикси. Пони, как обычно, бродили где-то, нагуливали животы и шерсть. Боб не соизволил оторвать морду от сена, только покосился. Трикси и Розы потянулись ко мне – Розы даже заржала, а Трикси дала почесать свой бархатный нос. Мне еще много с кем надо было поздороваться здесь, но Боб, Розы и Трикси – вне очереди.

– Мало работы у них сейчас, – вздохнул дед. Он стоял в дверях конюшни за моей спиной.

– Отдохну немного и поработаю.

– Редко ты теперь приезжаешь, Ваджи. Мы с Адамом иногда работаем их, но сам понимаешь.

Адам был дедов секретарь. Позавчера он уехал на каникулы в Стерлинг, где жила его мать.

Мы вернулись в дом. Я знал, что дед просто не показывает вида, хотя ему страшно любопытно, что это такое у меня в чехле от весел. Мне самому было интересно, что он скажет, именно поэтому я и медлил.

Много лет минуло, но да – пули Кэмпбеллов никуда не делись из перекрытий. И все же за время своего существования манор, как и большая часть подобных зданий, претерпел множество изменений. В конце восемнадцатого века узкие окна-бойницы были расширены, внутренняя часть перестроена. В девятнадцатом веке она перестраивалась дважды. В начале двадцатого здесь появились водопровод и электричество, был начат капитальный ремонт, но дело внезапно встало. Первая мировая, кризис, семейные неурядицы – с начала двадцатого века Мак-Грегори с озера Лох-Фада едва сводили концы с концами. Почти всех слуг пришлось распустить в конце тридцатых годов. Демобилизовавшись после Второй мировой, Малькольм Дуглас, мой прадед, вернулся домой, уволил дворецкого и кухарку и продал всех лошадей, оставил только пони, которые обитали здесь испокон веков и сами умели себя прокормить.

Манор старел, дряхлел и осыпался. Воздух в этих местах сырой, плесень быстро съедает все деревянные части. Манор постоянно требовал ремонта и, соответственно, денег, которых ни у кого не было. К тому времени, когда зашла речь о создании на территории Троссакса Национального парка, состояние манора было плачевным. Мне было восемь, и я хорошо помню, сколько разговоров вели Дуг и Алистер, когда поступило предложение сдать полдома в долгосрочную аренду. Комнаты и без того с пятидесятых годов сдавались постояльцам, но дед сидел в долгах, крыша протекала, обвалилась часть фасада в западном крыле, в том самом, где помещалась частная гостиница, денег на ремонт взять было неоткуда. Выхода, кроме как принять предложение, у Алистера не оставалось, разве что продать все целиком, если найдется охотник купить. К тому же должность директора обещала ему вполне приличную зарплату.

Для меня манор всегда был местом главных приключений, ареной моих воображаемых битв. В те времена каждая палка, которая оказывалась в моей руке, носила имя Ласар Гиал. Бывало, я приезжал в Королевскую Рыбалку на уикенд, садился на кудлатую спину Марсии без всякого седла. Марсия брела вдоль берега, увозя меня в дальнюю даль, а я смотрел по сторонам и сочинял какую-нибудь невероятную ерунду, в которую тут же с восторгом сам начинал верить. Куча возможностей. Собрать плот из досок от поломанного сарая и уплыть в Лориэн²⁷. Сидеть у камина с дедом, слушать его байки. Вернуться потом в город и вспоминать туман, стелющийся над безмолвной поверхностью прозрачно-серой воды, лохматые головы пони, поездки в Аберфойл за едой, катания на лодке, Оливера, что развалился на потертом ковре перед камином и сопит во сне. Дерево, на котором так хорошо сидеть над заводью, свесив ноги, и смотреть, как озеро на закате рассыпается бликами. Купание на рассвете в обжигающе холодной воде, когда плывешь до другого берега саженками и дыханье останавливается в груди. Витраж в библиотеке – пронизанный светом летящий зимородок, король-рыбак. В солнечных лучах парят полосы разноцветной пыли, синие, желтые, зеленые, красные – пятна на моих руках, на корешках книг, на развороте страниц. Лети, храбрец, лети, бесстрашный и стремительный маленький воин. В детстве я влезал на стул, чтобы потрогать прозрачную синеву его крыла, и живой птичий глаз смотрел на меня с витража пристально и хитро.

– Хочу наконец показать тебе эту штуку, – сказал я, когда мы вошли в столовую.

²⁷ Лориэн – в трилогии Толкина «Властелин колец» – королевство лесных эльфов к востоку от Мглистых гор.

Я положил на стол чехол для весел. Раскрыл его. Развернул кусок брезента и отошел на один шаг, чтобы деду было лучше видно. Сталь клинка чуть отливала тяжелым матовым блеском, дробно преломлявшимся в глубине дола. Навершие сонно подмигивало круглым веком, точно полуприкрытый глаз дракона. Было бы ложью сказать, что я не испытывал трепета в этот момент. Ого. Еще как испытывал.

Дед подошел. Долго и пристально смотрел. Даже вынул очешник из нагрудного кармана и нацепил очки на кончик носа. Он забавно в них выглядел со своей бородой.

– Это же Ласар Гиал, – произнес он наконец и, подняв голову, изумленно уставился на меня поверх очков.

– В точку, – кивнул я.

– Где ты его взял, мальчик?

5 глава

*Ночь тиха, ночь свята,
Озарилась высота,
Светлый Ангел летит с небес,
Пастухам он приносит весть:*

«Вам родился Христос, вам родился Христос!»

Рождественский христианский гимн, создан в 1818 году. Текст Йозефа Мора, музыка Франца Груббера. Автор перевода на русский язык неизвестен.

Первым приехал отец Саймон Мак-Ги. Я сидел наверху, в своей комнате, и слышал, как во двор вкатился его опель. Мы с дедом к этому времени расчистили дорогу, но снег все падал и падал. Дед вышел встретить отца Саймона, и я тоже сбежал по лестнице навстречу ему. Священник стоял в прихожей и стряхивал снег с ботинок и с плаща: намело, пока он шел от навеса, где парковался.

Из всех, кого я знаю, отец Мак-Ги – самый классический шотландский горец. Здоровенный старикан с круглой красной рябой рожей – в жизни не догадаетесь, что перед вами католический падре. Его жесткие волосы, темные, густо перемешанные с сединой, никогда не лежат на голове смиренно, а он еще и ерошит их постоянно раскрытой ладонью. Пока отец Мак-Ги расспрашивал меня о том о сем: об учебе, о футбольных успехах, – приехали дедовы бывшие однокашники Эрскин и Кавендиш с женами.

Эрскин был странный человек, небольшого роста, сгорбленный, с очень четкими и правильными, утонченными чертами лица, которое к семидесяти годам состарилось как-то без морщин. У него были крупные уши с длинными мочками и большие, навывкате светло-серые, какие-то женские глаза. В детстве я был уверен, что на самом деле мистер Эндрю Эрскин вовсе не Эрскин, а карлик Снорре²⁸, и, если честно, в глубине души продолжаю так считать.

И в этот раз, пожимая его руку, я снова испытал желание наконец спросить что-нибудь вроде «Как дела? Во сколько сегодня закроют холм?»²⁹.

²⁸ Карлик Снорре – персонаж шотландской легенды.

²⁹ Согласно легендам, некоторые фейри и ши – волшебные существа Британских островов – живут в холмах. Иногда холм бывает открыт, и тогда простые смертные тоже могут в него попасть, обычно на свою беду.

Миссис Эрскин, Софи, была выше мужа ростом, худая, ширококостная, темные глаза немного навывкате, на голове копна седеющих каштановых волос. Королева-колдунья. Точно карлик Снорре встретился с Морган Фей и женился на ней. Они были очень преданы друг другу, не разлучались почти никогда. В прошлом году миссис Эрскин болела и долго лежала в больнице. Мой отец ходил навестить ее и потом рассказывал, что все полтора часа, что он провел у нее, она говорила только о том, как талантлив Энди и как он не бережет свое здоровье.

Из-за этой болезни мы не виделись с миссис Эрскин на прошлый Йоль³⁰. Теперь, когда она вошла и сняла свое длинное пальто, я отметил, насколько она постарела. Красота ее, впрочем, от этого только выиграла. Когда-то я пытался рисовать миссис Эрскин – на бумаге у меня получался совершеннейший сайгак, и это не только потому, что я, в принципе, рисую не супер хорошо.

Сегодня на ней было темно-синее узкое, очень строгое платье и светлая вязаная шаль, которой она укутывала острые плечи. Тяжелая коса, уложенная венцом на голове, делала ее еще больше похожей на сводную сестру Артура³¹. Полутьма, сумеречная полоса стрельчатого окна, изысканная, почти шахматная фигура гостя – все это немедленно заработало в моей голове, и счет пошел независимо от моих «Добрый вечер, миссис Эрскин, как поживаете?».

– Королева ждет вас, милорд. Королева готова вас принять.

Свет факела внезапно дернулся – в замке было полно сквозняков, собственная тень бросилась Рыцарю под ноги как живая. Кто укажет мне дорогу к замку Корбеник? Королева знает, как ее отыскать?

– Ваджи! Это ты? Как же ты вырос! Занимаешься греблей?

Мистер и миссис Кавендиш, супруги Хампти-Дампти³², как звал их Дуг, оба круглые и веселые. Она – в платье в крупную полоску, он – в охотничьем пиджаке с заплатками на локтях и в вельветовых брюках. Апоплексический его румянец распространялся в том числе и на идеальную лысину. В студенческой компании деда Кавендиш, как я понимаю, был главный балагур и счастливо продолжал играть эту роль и дальше. Миссис Кавендиш, Бренда, регулярно приезжала на озеро Лох-Фада с подругами по команде: старушки – чемпионки Великобритании по гребле на каноэ. Каждый раз, завидев меня, Бренда обязательно говорила, сияя, как новенький пенни:

– Ваджи! Это ты? Как же ты вырос! Тебя и не узнать! Занимаешься греблей? Когда ты приедешь ко мне в гости со своим дедом? Пока я не продала коллекцию наших кубков и медалей – мечтаю, чтобы ты их увидел.

Но дальше дело не двигалось – к обоюдному удовольствию сторон, как уверял дед.

Миссис Кавендиш некогда была очень дружна с миссис Мак-Грегор, моей бабушкой, поэтому далее в вариациях следовало неизменное сожаление о том, что бедная Шарлотта не видит, как вырос ее дорогой внук. Мы обнялись.

В этом платье в крупную полоску она внезапно напомнила мне полосатый антикварный диван в гостиной у Осборнов. Крепко прижатый к объемистым валикам ее груди, я слышал, как бьется ее большое сердце, точно пружина поет в гулкой глубине.

Как всегда, я поцеловал розовую щеку, клюнул носом нефритовую сережку и смутился – тоже как всегда. Ритуал покатился по своему желобу, я слушал слова приветствия и сам говорил что-то дежурно-вежливое.

³⁰ Йоль – название Рождества в Шотландии и некоторых других странах.

³¹ Морган Фей – сводная сестра короля Артура.

³² Humpty Dumpty – персонаж английской детской поэзии, в русском переводе С. Маршака – Шалтай-Болтай.

Возможно, миссис Осборн, Джоан, мама права и пора уже что-то менять в жизни? А может, и не пора.

Постепенно собралось человек пятнадцать, считая местных, дедову домоправительницу Эви и повара. Двое лесников, приятели Алистера, католики, один с женой, другой с сестрой и мамой. Они всегда приходили на Рождество.

Вся эта компания толклась в гостиной, Оскар радостно бегал, обнюхивал их ноги, бил всех хвостом, потом вдруг устал, забрался в кресло, свернулся там и уснул.

Последними пришли американцы – постояльцы из западного крыла. Я едва успел взглянуть на них – ему лет сорок, очки, галстук, улыбка, под бокс; ей лет сорок – очки, галстук, улыбка, каре, – как подошел отец Мак-Ги.

– Ты сможешь мне все подготовить, Ваджи, мой мальчик?

Я кивнул.

– Это ведь не страшно, что мы не католики, вообще не верующие? – спросил американец, вдруг обратившись к отцу Мак-Ги. – Вы же позволите нам присутствовать? Ведь это вы священник, я верно понял? Я Джон Кокрейн, а это моя супруга – Мейзи. Мы бы очень хотели. Это было бы так интересно.

– Да, разумеется! – заулыбался священник.

В часовне Святого Колумбы было холодно, как в гробу. Я вошел первым, и сырая темнота точно схватила меня за руки, за лицо. Мне не хотелось сразу зажигать свет – три узких окошка чуть светлели сквозь свинцовый мрак апсиды, и все это вместе вообще не напоминало ничего на этой земле: маленькое холодное пространство, наполненное гулкой тишиной. Даже ноги не ощущают пола, точно ты повис в каком-то космосе.

Отец Мак-Ги вошел за мною, щелкнул выключателем. Апсиду сразу залило желтым светом, стало видно ее давно не беленные стены, старинный, еще конца девятнадцатого века, вертеп по левую руку, пустой каменный алтарь, еловые лапы и красные ленты, которыми Эви накануне украсила часовню.

Я вспомнил, что надо попросить благословения, склонил голову, священник быстро перекрестил мою макушку. Мы расстелили алтарный покров, расставили подсвечники, я принес складной аналой. Где-то минуту мы с этой упрямой раскладушкой дрались, но я победил и водрузил ее на середину солеи.

– А они тут все поместятся? – спросил я у отца Мак-Ги.

Он пожал плечами.

– Всегда же помещались.

– Сегодня больше народу, чем обычно. Эви с мужем и дочкой. Она сказала – они поют. И американцы.

– Поместятся, – уверенно ответил отец Мак-Ги. – Куда им деваться. А американцы не поют?

– Не знаю. Наверное, нет.

– Жаль.

Отец Мак-Ги расстегнул портфель, вынул Библию, слегка помятую альбу, столу, бутылку вина. Я отнес Библию на аналой – закладки были все уже на месте, – проверил тексты еще раз. Пошел и затеплил лампадку у вертепа, зажег свечи в канделябрах.

– Позови хор, – сказал Мак-Ги. – Пусть готовятся, а то налажают, как в прошлый раз. Почему Алистер до сих пор не открыл органолу?

Собрался хор – пять человек во главе с миссис Кавендиш, которая всегда с воодушевлением регентовала. Пока отец Саймон проверял, все ли на месте, пока я помогал ему обла-

чатся, они репетировали, пели громким сдавленным полупшепотом Gloria, Gloria in exelsis Deo, а потом Puer natum in Betlehem, Aleluiah!³³

Тихо, точно боялись ненароком разбудить этого мальчика.

Внезапно приоткрылась дверь, и в нее заглянул Дуг. Мы встретились с ним глазами.

– Пойди поздоровайся с Мартой, – громко прошептал он.

– Потом, – отмахнулся я. – Когда вы приехали?

– Вот только что. Она хочет тебя видеть.

– Иди, иди, – сказал отец Саймон. – У нас еще есть немного времени. Дуглас, вы не могли бы сказать всем – если кто нуждается в исповеди, я готов их принять.

– Я нуждаюсь, – быстро проговорил отец.

– Ну, вот с вас и начнем. Миссис Кавендиш, Бренда, скажите, а почему вы не открыли органолу?

– Алистер не может найти ключ.

Когда я увидел Марту первый раз, я немного удивился. Она не была похожа ни на одну из прежних отцовых подружек, просто совсем другая. Не красавица, без боевой раскраски. Круглое лицо, светло-серые глаза – она скорее напоминала немку, чем итальянку. Но когда я узнал ее лучше, я понял, что отец нашел в ней и почему влюбился. Она была очень умная, очень доброжелательная и настоящая, открытая. Она любила дом, готовку, льняные скатерти, пирожки с сыром. У нее были смешные ямочки на щеках. Рядом с ней было хорошо, она никогда ничего не держала от вас за спиной. Мы расцеловались.

– Я испекла хлеб для Йоля, с предсказаниями. У вас ведь так делают, да? Мне Дуглас сказал. Но не знаю, хватит ли на всех. Восемь таких... плетеных бубликов.

– Хватит, если мы их преломим.

– Я запекла туда всякую ерунду. Но если делить на мелкие куски, кому-то ничего не достанется.

– Значит, такая будет его судьба. – Я пожал плечами. – В этом году с ним не произойдет ничего.

Она тряхнула головой.

– Знаешь, неплохая перспектива!

– Ты будешь петь? – спросил я. – Хор репетирует.

– Я – петь? – Она с испугом посмотрела на меня. – Знал бы ты, о чем просишь.

– Ты же итальянка.

– Ты же шотландец, – передразнила она. – Почему ты не в юбке?

– Не в килте...

– Ну вот, не в этом вот самом? И не играешь на волынке пиброх³⁴?

Я рассмеялся и вернулся в капеллу. Пробежал глазами и без того хорошо знакомый текст Исайи, потом сел, подобрал ноги под стул, и стал ждать, когда отец Саймон закончит исповедовать. Люди потихоньку протискивались в приоткрытую дверь, брали складные стулья, раздвигали их, расставляли на середине, говорили вполголоса. Атмосфера тайны, что зародилась сегодня в глубоком холоде и мраке апсиды, постепенно растекалась в теплом свете свечей, росла, распространялась, пока не захватила всех людей и все пространство, не поселилась вверху под сводом, где воздух дрожал от свечного пламени.

³³ «Слава в Вышних Богу» и «Мальчик родился в Вифлееме, аллилуйя» – рождественские песнопения (лат.).

³⁴ Пиброх – мелодия для волынки.

Пришел наконец Эндрю – карлик Снорре – и открыл органолу. Сел перед ней на табурет, принялся пробовать регистры, заставив хор испуганно смолкнуть. Что-то там у него не ладилось. Наконец он кивнул миссис Кавендиш.

– Начинаем, – сказал нам отец Мак-Ги, отпустив последнего исповедника, и тоже кивнул миссис Кавендиш:

– O come...

*– O come, Divine Messiah, the world in silence waits the day
When hope shall sing its triumph and sadness flee away!³⁵*

Определенно это заговор, как и четыреста лет назад. Собрались заговорщики, не связанные друг с другом ничем: ни возрастом, ни общими интересами, а только этой своей крамольной, непонятной непосвященным тайной, той самой, что текла в воздухе, пропитывая собою всех, кто им дышал. Что мне миссис Кавендиш с ее полосатым платьем и что ей я – щенок, который подрос за полгода, не более того. Но есть нечто большее, чем она, и чем я, и чем пропасть между нашими мирами. Настолько великое и всеобъемлющее, что еловые ветки и красные банты, расстроенные регистры, потерянные ключи, фальшивящий тенор, внезапно погасшее кадило, рассыпанные свечки – я споткнулся по дороге к аналою – не поколеблют его.

«В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице»³⁶.

³⁵ Приди, Божественный Мессия, мир в безмолвии ожидает этого дня (начало рождественского песнопения).

³⁶ Евангелие от Луки, 2.1.

6 глава

*Любуйся, странник: лобой торфяник
душе умеет дарить уют.
Стоят упорно стволы Мамлорна
и многим птицам жилье дают.
Рассвет весенний; стада оленей
измутил голод, измаял страх —
они по круче идут в живучий
Раздол Туманов в родных горах.
Дункан Бан Мак-Интайр. «Раздол Туманов».*

Тяжелые копыта Боба мягко ступали по прелым листьям, сминая невесомый снежный покров. Лес на склоне был вырисован тонким пером белой тушью на белой бумаге – хрупкая красота, которую и не назвать, настолько она мимолетна. Скажешь слово, точно неловко ткнешь пальцем, – и все расколется и окончится сон.

Однако Боб был вполне реален. У него бурчало в животе, время от времени он встряхивал гривой и фыркал, иногда срывал листья малины вместе со снегом, которыми они были припорошены, точно пирожное в сахарной пудре. Чтобы заставить его идти рысью, пришлось быть очень убедительным: лошади совершенно разленились, катая туристов. За ручьем я вынудил его перейти в галоп, он наконец продышался на бегу, встряхнулся, пошел резвее, явно получая удовольствие от движения.

Ветки клонились низко над дорожкой, я то и дело задевал их, и мне на голову и на плечи, на круп Боба постоянно обрушивались снежные вавилоны. Мокрые ветки хлестали меня по коленям, очень скоро бриджи вымокли насквозь.

По стальной поверхности озера время от времени проходила рябь, сминая в гармошку запрокинутые внутрь чаши белые берега, такое же белесое небо, прочерки крикливых галок в нем и мутное солнце. Плотное укутанное в кокон, оно так и не выбралось, не протиснулось сквозь облака. Мне всегда нравилось, как большой водоем отражает пространство, как береговые звуки и голоса идут по его поверхности, раздаваясь далеко. Иногда поймашь обрывок разговора, неизвестно чей, и так никогда и не узнаешь, где и кто это говорил. Только мужской голос, девичий смех и скрип уключин.

На обратном пути мы с Бобом встретили наших пони – я видел издали, как лохматый их табунок спускается с берега. Когда мы поравнялись, доминантная кобыла³⁷ – гнедая Марсия – пристроилась к нам с Бобом, и так, вместе с косяком пони, мы вернулись домой. Пони обросли, точно медведи, шерсть свисала с них клочьями, глаза блестели из-под челок, как из-под копен сена.

Я отвел Боба в конюшню, закрыл леваду за пони и вошел в дом. Зеленая входная дверь была украшена большим венком из веток, сухоцветов и остролиста. Венок привезла Марта. Он был не простой, занятный, я даже остановился, чтобы разглядеть его. Внутри много всего понатыкано, какие-то маленькие деревянные звездочки, крошечные башмачки, домики из бересты, птички, мох, из глубины таинственно мерцали синие бусины. «Марта знает толк в сказках», – подумал я. Такой венок может выбрать только тот, кому не все равно, где обитать мелкому народцу. В детстве я непременно считал бы такую штуку волшебной.

Хорошо, что дед с отцом с утра основательно протопили дом: я вошел и прямо сразу стал оттаивать.

Гости разъехались. Отец и дед сидели в гостиной в креслах, курили трубки и лениво беседовали. На кухне Эви грохотала противнями. Повар уехал на каникулы. На обед нас ждали остатки вчерашних пирогов – ничего вкуснее я не знаю.

Я постоял у камина, отогревая колени и зад.

– Как прогулялся? – поинтересовался Дуг.

– Отлично. Встретили пони. Они пришли домой вместе с нами. Я им сена навалил в кормушку.

– Хм, – сказал дед.

Я взял свою трубку – отец мне подарил ее полгода назад – и пододвинул стул поближе к огню. Вообще-то я почти не курю. Вот разве что трубку и в хорошей компании. Гостиная в доме Короля-Рыбака как-то особенно располагает.

– А где Марта? – спросил я.

– Легла вздремнуть. Говорит, что после городского воздуха здешний ее усыпляет. Пусть отсыпается.

– Так вы завтра улетаете?

– Самолет ночью, дешевый рейс. Мартини родители встретят нас в аэропорту. А у тебя какие планы? Не жалеешь, что отказался лететь в Италию с нами?

Я щурился на огонь и потихоньку дымил своей трубкой. Чувствовал себя совсем взрослым. Я видел, что и дед, и отец смотрят на меня и посмеиваются втихую. Возможно, в их глазах я и в самом деле выглядел забавно. Ну вот как Лукас иногда. Ну и пусть.

– Нет. – Я покачал головой. – Я же был в Италии два раза. Да и все равно билетов уже не достать. И что бы тут Алистер делал совсем один? Кто будет отвечать на сайте?

От камина к моему лицу шел живой жар, облако табачного дыма щекотало ноздри. Мне было хорошо. Я получил кучу подарков на Йоль, о них тоже было приятно думать. От отца – новый рюкзак, очень хороший, с кучей разных карманов. Я его долго разглядывал, думал, в каком из карманов какую вещь поселю. Возьму его в Корнуолл. Летом в Норвегию – нет, там нужна штука побольше. От Марты – пару теплых носков и свитер, который сейчас на мне – очень удобный серый рыбацкий свитер с аранами³⁸. От деда – альбом о мечях.

³⁷ Доминантная кобыла – кобыла-вожак табуна или косяка лошадей.

³⁸ Араны – узоры на вязаных изделиях. Название произошло от наименования группы островов в западной части Ирландии. Аранский свитер – изначально теплый рыбацкий свитер из овечьей шерсти. Каждый узор имеет свое значение: «волны», «водоросли», «сети» и т. д. Каждому ирландскому клану соответствует свое сочетание узоров.

– Видишь, как я угадал? – сказал он довольным голосом, когда я содрал упаковку с подарка.

В рождественском хлебе, который я преломил с мистером Кокрейном, мне внезапно досталось маленькое колечко с бирюзой – я чуть зуб себе не сломал. А Кокрейну досталась монетка.

– Ваджи женится в наступающем году! – рассмеялась Бренда Кавендиш.

Я примерил колечко на палец, но оно мне даже на первую фалангу мизинца не налезло, все смеялись.

– У тебя же каникулы, – пожал плечами отец. – Ты так и просидишь все праздники в Троссаксе? И на Хогманей³⁹ не поедешь в Эдинбург?

– Американцы свалят в Стерлинг на Хогманей, – сказал я. – Будут махать огненными шарами. А Адам вернется только второго. Не бросать же деда тут одного. Да и навидался я этого, можно разок пропустить.

– Поезжай в Эдинбург, если хочешь, – хрипло сказал дед. – Что мне этот Новый год? Я спать завалюсь в одиннадцать. И потом, я же не один, тут будет Эви с семьей, а утром придет отец Мак-Ги. А ты ведь любишь смотреть, как жгут корабль викингов, и вообще все это веселье.

Это правда. Я люблю безумие, которое устраивают в Эдинбурге на Хогманей. Было время, и я мазал морду синим и белым⁴⁰, махал факелом и вместе со всеми орал «Шотландия! Хогманей!». Да вообще-то не так уж и давно, прямо скажем, это время и было. Не далее как в прошлом году. И вчера мне писал Лиам, мой бывший одноклассник, и спрашивал, встречаемся ли мы, как всегда, у памятника Вальтеру Скотту, чтобы идти на парад вместе. Но нет. И не потому, что Хогманей изначально был противопоставлен нашему католическому Йолю. Не такой уж я фанатичный католик, чтобы презирать Хогманей. А просто – ну я уже как-то напрыгался и хочу побыть здесь, в Троссаксе. И деда не хочу оставлять.

– Я уеду третьего, – напомнил я. – Я же говорил. Мы с Бармаглотом едем в Корнуолл кататься на сёрфах. А потом я вернусь в Оксфорд.

– Едешь в Корнуолл что делать? – изумился Дуг.

– Ловить волну, – пояснил я. – Ну, сёрфинг.

– В январе?

– Хочу попробовать.

Он смотрел на меня в упор несколько секунд, подняв брови, потом нахмурился, после рассмеялся и сказал:

– Ладно. Уши не застуди. Ну и шею не сверни.

– Постараюсь, пап.

Дуг докурил трубку, выбил ее о каминную решетку и встал с кресла.

– Пойду посмотрю, как там Марта. Не проснулась ли.

Некоторое время я глядел в камин, где в черной глубине возникали, росли и гасли одна за другой гибкие огненные саламандры.

– А что Лукас? – спросил вдруг дед.

– Мы говорили утром по скайпу. Мы с Дугом поздравили их с Рождеством. Лукас строил рожи в камеру. Они все улетают сегодня в Египет на неделю.

– Он не хочет приехать в Королевскую Рыбалку? Он здесь не был три года.

³⁹ Хогманей (Hogmanay) – новогодние праздники в Шотландии.

⁴⁰ Синий и белый – цвета шотландского флага.

Я молчал. После того как Джоан увезла Лукаса на юг, он в Шотландию приезжал всего-то четыре раза, причем дважды – в не вполне сознательном возрасте. Джоан не слишком нравилось в Эдинбурге, как я понимаю, а отпускать Лукаса одного ей не хотелось. Да и он сам никогда не высказывал такого желания. Наверное, все это можно понять. Не знаю. Я вообще за полную свободу в этом смысле. Может быть, потому, что задумываться о причинах всех этих вещей мне не слишком приятно.

Мне захотелось ответить, что у Лукаса так много уроков, что он, конечно, мечтает приехать, но у него совсем нет времени. Но вместо этого я проямлил:

– Не знаю.

Откровенно говоря, я был почти уверен, что Лукас не хочет ничего подобного, но не мог же я прямо заявить об этом деду.

– Скажи ему, что я жду его в любое время. Пусть он знает. Меня всегда огорчало, что вы, родные братья, живете врозь. Жизнь так распорядилась. Тогда, много лет назад, я был против того, чтобы они разделили вас. Братья должны расти вместе. «Не разлучай их, – сказал я Дугу. – Всегда будь с ними обоими, не оставляй их. Если вы их разделите, одного из них ты точно потеряешь. Пусть лучше оба живут с ней, только не разделяй их». И что же? Он не послушал меня, и получилось, как я говорил.

– Дед...

Он не отозвался, некоторое время хмуро смотрел в камин, потом пробурчал, не глядя на меня:

– Знаешь, Ваджи, я рад, что ты у меня есть.

– Хм. В принципе, я тоже.

Мы сидели молча, покуривали свои трубки и оба смотрели в огонь, как там все меняется, как огонь лижет березовую кору. Дед почесал бороду и вдруг пристально глянул на меня поверх очков.

– Настоящий Мак-Грегор, – сказал он. – Ты. Настоящий. Плоть от плоти. От этих камней и туманов. Корень от корня. Ты думаешь, старик напился виски и пока еще не протрезвел?

Я с удивлением смотрел на него. Не так уж часто он позволял себе сказать сразу столько слов подряд, но мысль о виски не приходила мне в голову.

– Когда она сказала, что хочет, чтобы ты учился в Оксфорде, я согласился сразу, – продолжал он хмуро. – Дуг поначалу прочил тебя в Эдинбургский университет, а я говорил, что университет есть и в Стерлинге и ничем не хуже других. В конце концов, я там учился. Ты бы жил в двух шагах от Троссакса и мог бы проводить здесь сколько угодно времени. Но как только она предложила, чтобы ты приехал в Оксфорд и жил у нее, я сразу сказал Дугу: «Пусть она думает, что дело в деньгах, будто то, что она оплатит половину стоимости твоей учебы, решит дело». Ты ведь тоже так думаешь, Ваджи? Думаешь, ты учишься там потому, что старый скупердяй Алистер не пожелал раскошелиться на твою учебу в Эдинбурге?

– Если честно, что-то в этом духе я и думал, – сознался я. – Но мне так сказал отец. И Джоан. Она тоже не раз давала мне это понять. И не то чтобы я жалел, что учусь там. Мне нравится.

– Мне казалось, будет неплохо, если ты и Лукас какое-то время проведете вместе. Это не восполнит прошлых лет. Но когда родные братья встречаются только по праздникам и в дни каникул – это неправильно.

Я был удивлен. Я молчал, не зная, что сказать.

– Ты говоришь с ним о маноре, о нашей жизни здесь? Вы разговариваете?

– Дед, – сказал я. – Прости. Мы почти не общаемся, если честно.

– О ваших предках, – продолжал он, – об истории этого дома? О Ласар Гиале? О католичестве? Когда ты ходишь к мессе, ты берешь его с собой? Он ведь крещен в католичестве, как и ты.

Я покачал головой.

– Прости.

Он тяжело вздохнул и замолчал, глядя в огонь.

На дворе уже совсем стемнело. Снова пошел снег, за окном, подсвеченные нашей лампой, летели и летели снежные хлопья.

– Три года назад, когда Лукас приезжал, я провел его по всему манору, показал Арсенал и часовню. Но ему было не интересно. Он все время смотрел в свой этот, как вы его называете, айфон, что ли? Я хотел рассказать ему о Стюартах и Мак-Грегорах, которые жили в этих местах бок о бок. О том, как здесь, в часовне Святого Колумбы, тайно, под угрозой смерти, служили мессу каждое воскресенье в то время, когда у власти был Кромвель и его банда. Но я просто понял, что он не слушает меня, и замолчал.

– О том, как круглоголовые⁴¹ пришли, когда священник уже приступил к Евхаристии, и женщины и дети спустились во двор и отвлекали солдат?

Алистер кивнул.

– Именно это, да. Отвлекали солдат, пока отец Гилберт не освятил хлеб и вино и не унес Святые Дары в тайную комнату, и там его спрятали вместе с Чашей. Солдаты обыскали весь дом, но не нашли ничего и никого и ушли. А после этого Святые Дары снова перенесли в часовню и мессу завершили уже там.

– У меня с детства мурашки по коже от этой истории. Как представляю, как оно было. Ну и гордость. И горечь вместе с ней.

– Это было очень опасно, – кивнул Алистер. – В доме в то время почти не было мужчин, защитить его было некому.

– А всё добрые люди, – добавил дед после короткого молчания. – Кто-то же из них донес, что в доме у Короля-Рыбака служат мессу. И во времена Кромвеля, и после Каллодена солдаты приходили сюда. Только однажды Кэмпбеллам удалось разграбить манор, и тогда пропал Ласар Гиал. Но во все другие дни Господь хранил этот дом и всех, кто в нем.

Мы оба долго глядели в осыпающиеся руины раскаленных углей. От них шел сильный жар. В комнате стало совсем темно.

Дед протянул руку к столу, взял бутылку с остатками виски, разлил в два стакана и подал мне один из них. Виски было совсем немного, на дне. Так, по глотку.

– С Рождеством! – сказал я. – Счастливого Йоля!

⁴¹ «Круглоголовые» (roundheads) – так за короткие стрижки называли сторонников парламента и Кромвеля во времена Английской революции.

7 глава

*Тела, как память роковая:
Белеют меж альпийских трав.
Их бросили, не отведав,
Не спеленав, не закопав.
Кто уцелел – проси защиты,
Когда чуждой земли достиг;
Преступны все, кто якобиты,
И всяк мятежен, кто не виг.
Ликует армия чуждая,
Венчает грабежом войну;
Несчастья наши умножая,
Нас гонят из страны в страну;*

Йан Руа Стюарт. «День Куллодена».
Написано после битвы при Куллодене (1746).
Перевод Е. Витковского.

Первый раз я увидел, как охотится зимородок, когда был еще ребенком. Стояло лето, мы с дедом шли по берегу, возвращались после прогулки на лодке. Воздух был полон томительного зноя, весь пропитан золотым светом, пением кузнечиков, жужжанием стрекоз над маленькой заводью. Вдруг Алистер прошептал:

– Тихо, Ваджи. Не двигайся. Смотри, вон, справа.

Я осторожно повернул голову в ту сторону, куда он указывал, и увидел трех невероятно красивых большеголовых, длинноклювых синеперых птиц, сидящих рядком на одной ветке. Внезапно одна из них сорвалась вниз и почти без всплеска ушла под воду. Я ахнул.

– Дед, птичка утонет?

Алистер покачал головой.

– Смотри дальше! – сказал он.

А зимородок уже вынырнул, уже вспорхнул над водой с маленькой серебристой рыбешкой в клюве, взмахнул крыльями, набрал высоту и опустился на ветку рядом со своими птенцами.

– Это король-рыбак учит своих детей, – сказал дед. – Ты же помнишь картинку на окне в нашей библиотеке? Сегодня тебе повезло увидеть своими глазами, как охотится зимородок.

Бесстрашная птица. Бесстрашная, как наш народ, Ваджи. Как все Мак-Грегоров с озера Лох-Фада.

«В тринадцатом веке по просьбе Алистера Мак-Гриогара⁴² местный умелец изготовил каменный барельеф с изображением зимородка. Камень этот помещен был как замковый в арочном перекрытии над входом в дом. Вскоре благодаря барельефу за всем местом близ жилища Алистера закрепилось название “Королевская Рыбалка”. Манор в те времена представлял собою самую простую, выстроенную из камней хижину без окон. Внук Алистера Рональд Мак-Гриогар, разбогатевший на продаже скота, пристроил к дому две башни, а часть ограды сделал каменной.

В конце шестнадцатого века младший сын Дональда Мак-Гриогара, Рональд, священник, сделал два рисунка – срисовал барельеф и меч Ласар Гиал, что когда-то принадлежал Алистеру Дугласу, а потом его сыну Малькольму и со времени кончины Малькольма хранился в маноре как реликвия.

“Птица сия, – писал отец Рональд, – есть великий символ для всех Мак-Грегоров с озера Лох-Фада. Хоть и лишились они былой силы и величия, но сохранили гордый свой дух и не утратили храбрости. Подобно тому, как бесстрашный зимородок бросается в водные потоки, по сей день готовы они вступить в бой за короля и честь своего клана”.

Про меч отец Рональд написал так: “Славное оружие, меч Алистера Дугласа, в достопамятной битве при Ларгсе великую доблесть явившего, носит имя Ласар Гиал, что означает Белое Пламя. Алистер Дуглас же, сын Хэмиша Мак-Грегора с озера Лох-Фада, жил в те времена, когда Шотландией правил Алистер III, последний из династии Канморов, а в Англии у власти стоял сын Иоанна Мягкого Меча король Генрих III. Меч сей, Ласар Гиал, правдою служил своему господину Алистеру и сыну его Малькольму при королеве Маргарет Деве Норвежской, и в смутные времена, и при короле Иоанне Пустом Плаще. А после помещен был на почетном месте в доме моих отцов и дедов, где пребывает до сего времени в неприкосновенности, несмотря на все тяготы и несправедливые гонения, которые пришлось претерпеть клану моему от враждебного клана Кэмпбеллов, обманом себе обширные наши земли присвоивших. Особенно же в деле преследования наших родичей преуспел бесчестный Дун Кэмпбелл из Гленорхи, о чем не должно забывать потомкам. Меч Ласар Гиал сохраняется в целостности в маноре, называемом Домом Короля-Рыбака, что принадлежит моему отцу Дональду и находится на озере Лох-Фада, где я и имел честь зарисовать его”.

Рональд Мак-Грегор был прав, что поторопился зарисовать семейные реликвии. Не прошло и десяти лет, как указом короля Якова клан Мак-Грегоров был ликвидирован. “Дети Тумана” – Мак-Грегоров, лишившиеся собственных земель, – были вынуждены промышлять разбоем и грабежом на больших дорогах. Однако грабили они лишь своих заклятых врагов: Кэмпбеллов, Колхаунов, Монтрозов и других, которые обманом склонили короля объявить Мак-Грегоров вне закона. Само имя Мак-Грегоров в то время находилось под запретом, и нельзя его было носить никому, ни взрослому, ни ребенку, ни мужчине, ни женщине, под угрозой ареста. Мак-Грегорам пришлось взять себе имена своих родичей, друзей и соседей. Мак-Грегоров с озера Лох-Фада издавна были ближайшими соседями и родней одной из ветвей клана Стюарт. Много веков Стюарты женились на девушках из рода Мак-Грегоров, и, наоборот, бывало, что Мак-Грегоров брали себе жен из клана Стюартов. Потому, когда пришла беда, Мак-Грегоров с озера Лох-Фада назвались Стюартами. Мак-Грегоров, что жили в других местах, стали называться Грантами, Бьюкэнанами, Мак-Альпинами, Грэхемами. Так им удалось сохранить свои дома и свои жизни. Но при этом никто из них, ни один человек из клана, ни старей, ни малый, не забывал свое настоящее имя.

⁴² Мак-Грегор раньше произносилось как Мак-Гриогар.

Дом Короля-Рыбака удалось сохранить в руках клана, хотя нападения на него случались не раз. Однажды, в тот день, когда почти все мужчины были на охоте, дом был захвачен Кэмпбеллами, трое слуг убиты, а манор разграблен дочи́ста. В тот день вместе со многими другими вещами пропал и Ласар Гиал. Он так и не был найден, и судьба его доныне неизвестна.

В гражданской войне все Мак-Грегоры встали под королевские знамена. В благодарность за поддержку король вернул им право выступать под своим именем. К середине восемнадцатого века королевские акты против Мак-Грегоров были окончательно упразднены. Беды Мак-Грегоров на этом, правда, не окончились, но это отдельная история.

Изображение зимородка над входом в дом пострадало при штурме. Следы пуль, выпущенных из аркебуз Кэмпбеллов, отчетливо хранит кладка старейшей части манора. В конце восемнадцатого столетия был изготовлен витраж с изображением этой птицы. Как ты, наверное, помнишь, он находится у нас в библиотеке».

Текст манускрипта был у меня давно сохранен, а печатаю я быстро. Выложил все не переводя дух. Удивительно, но хочешь ты того или нет, никуда тебе не уйти от аркебуз проклятых Кэмпбеллов и пуль, что засели в перекрытиях. Даже если изначально ты не собирался ни словом их упоминать.

Прежде я никогда не писал братцу и чувствовал себя как-то странно. Все вспоминал его темные телячьи глаза, как он пришел ко мне в комнату, тощий, длинный, нескладный. А ведь еще два года назад он носил тот самый джинсовый комбинезон, из которого я вырос в двенадцать.

«Хотел еще рассказать тебе о нашем родстве со знаменитым Робертом Роем. Просто чтобы ты знал, кем ему приходишься. Станет ли это откровением для тебя, я не знаю, но, возможно, тебе будет хоть немного интересно.

Роберт Рой Мак-Грегор был женат на Мэри-Хелен, дочери Мак-Грегора из Комара. Младший брат Мэри-Хелен, Роберт Мак-Грегор (Робин из Комара), стал одним из самых близких Роб Рою людей, верным человеком и соратником. Младший Роб был настолько предан старшему, что, когда Роб Рой перед смертью решил принять католичество, младший Робин последовал за ним и в этом выборе, хотя в те времена исповедовать католицизм было очень опасно. Впоследствии Робин из Комара женился на Майрет Мак-Грегор из Мак-Грегоров с озера Лох-Фада, эта ветвь клана также хранила католические традиции. Дом Короля-Рыбака как приданое за Майрет перешел во владение Робина Мак-Грегора из Комара. Потомки Робина из Комара по большей части оставались католиками. Известно, правда, несколько случаев перехода в пресвитерианство, но, как правило, это совершалось дочерьми по настоянию родителей ради выгодных браков.

Возможно, ты удивлен, с чего вдруг я все это тебе написал. Но я подумал, ты так мало знаешь об истории клана, а ведь это и твоя семья.

Поздравь от меня с Рождеством еще раз Майкла, Джоан, Оливию и Томаса. Ну и скоро увидимся».

Только я отправил письмо, как мобильник запел у меня в кармане. Звонил дед снизу, со двора.

– Идешь седлать лошадей, Ваджи? Мистер Кокрейн уже оделся, и супруга его тоже.

– Иду. Скажи им, сейчас буду.

Снег таял. С крыши текло всюду. Точно нам показали рождественский спектакль, а теперь представление закончилось, музыка смолкла, декорации и реквизит спешно убирают.

Дед был в конюшне, уже начал чистить лошадей. Мистер и миссис Кокрейн стояли у входа в новых костюмах для верховой езды. Теплые камзолы в талию, клетчатые бриджи. На

нем кепи в стиле ретро, кожаные перчатки, на ней черный пластиковый шлем. У обоих в руках новенькие стеки. Подготовлены по полной программе. Сразу видно, что, скорее всего, ни он, ни она ни разу не сидели в седле.

– Джон, уберите стек, – буркнул дед, проходя мимо нас с седлом в руках. – Вы поедете на Бобе, а он это ненавидит. С места не сойдет, пока стек не уберете.

Кокрейн виновато улыбнулся.

– Я думал, так надо. Не знаю, правильно ли мы экипировались. Мы прочли тогда в путеводителе, что возможны конные прогулки, и купили это все в Глазго.

– Я могу поехать на Бобе, – предложил я.

– Нет. Ты поедешь на Трикси. У нее сейчас это... критические дни. – Дед поморщился. – А когда у Трикси критические дни, лучше, чтобы на ней ехал тот, кто знает ее причуды. К тому же ты легче Джона, а я не хочу перегружать кобылу.

Выражение лица Кокрейна стало несколько задумчивым.

– Причуды... – проговорил он. – А Боб – он же конь, верно?

– Он мерин, – отвечал дед.

– И ему безразлично?

– Абсолютно. Плевать он хотел.

– Не бойтесь, – заверил я его. – Боб спокойный. Но стек правда уберите. Подальше от греха.

– А я? – улыбнулась Мейзи.

– Вы поедете на Розе, – разъяснил дед. – С ней никаких проблем. Но стек оставьте в конюшне. Боб увидит. Боб не любит людей со стеклом. Он встанет и не пойдет никуда. У него была не очень легкая жизнь в том месте, где он работал раньше.

– Ты уверена, что тебе стоит ехать верхом, дорогая? – тихо спросил Кокрейн.

– Конечно!

– Все будет хорошо, – пообещал я как можно убедительней.

Мы медленно двигались по краю берега – впереди я на Трикси, следом Кокрейн на Бобе, позади Мейзи и Розе.

– У вас есть опыт верховой езды? – спросил я у Джона.

– Ну, – протянул он. – Я сидел на лошади как-то. Один раз. Меня фотографировали. А Мейзи ходила в пони-клуб, когда была ребенком.

– Ничего, – сказал я. – Наши лошади спокойные. Проблем не должно быть.

Трикси вроде пока не собиралась показывать свои фокусы. Минут через пять Кокрейн расслабился и решил поболтать со мной на отвлеченные темы.

– Алистер сказал мне, что вы учитесь в Оксфорде.

– Так и есть.

– Говорят, требования там очень высокие.

– Не знаю. Требования как требования. Я бы не сказал, что мне тяжело. Темп, конечно, довольно интенсивный, но так даже проще включиться в процесс.

– А что вы изучаете?

– Древнюю историю и Средние века.

– Вам нравится?

– Вполне.

– Удивительно, – покачал головой Кокрейн. – Мне всегда казалось, современные молодые люди совершенно не интересуются историей. Финансы, бизнес, социология – да. Но история – это же очень отвлеченная наука.

– Напротив, – возразил я. – История – это же сама жизнь. Не вчерашний день, а нечто постоянное. На острие ножа. Она никогда не кончается. Вот мы с вами тут сегодня едем верхом по берегу, и это тоже история.

– Надо же! – вдруг удивился он. – Вы правы. Мне это никогда не приходило в голову. Сложно было поступить в университет? Не думайте, я спрашиваю не из праздного любопытства. Наш сын учится в старшей школе, и, возможно, я отправил бы его в Англию получать высшее образование. Тем более что мне часто приходится бывать здесь по делам.

Я пожал плечами.

– Система простая. Надо подать заявку – отправить документы, рекомендации и мотивационное письмо. Если им понравится резюме и если у него высокий балл в аттестате, его пригласят на интервью. Можно приехать или пройти собеседование онлайн, по скайпу.

– И как это выглядит? Это самое интервью. Допустим, если приехать?

– Ну, типа собеседования. Получаешь билет с вопросом, где-то за час надо подготовить ответ. Потом вызывают в кабинет, там тебя встречает комиссия из трех профессоров. Такие все очень доброжелательные. Через четверть часа ты понимаешь, что это только видимость и на деле все жестко. Сначала отвечаешь по билету, потом тебе задают вопросы, самые разные. Бывает, по выбранной профессии, бывает, про жизнь, иногда вообще что-то абстрактное. На некоторые вопросы я не знал ответа, но сумел как-то выкрутиться.

– И что было в билете? Какая тема вам выпала?

– Ну, я же метил в историки, и билет был соответствующий: отрывок из некоего манускрипта. Надо было определить, что за манускрипт, к какому времени относится, и проанализировать этот исторический период. Очень простой вопрос на самом деле, в рамках школьной программы. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы узнать Хартию вольностей и рассказать про Генриха Боклерка⁴³. Вообще говорят, что самое главное на собеседовании – продемонстрировать нестандартное мышление, но у меня-то как раз примитивный образ мыслей. Притворяться высоколобым оригиналом я не умею.

– Не преуменьшайте своих достоинств, Уолден! А что бы вы сказали вообще, как бы определили – стоит ли учиться иностранцу в Оксфорде? Какое ваше мнение?

Я придержал немного Трикси, чтобы та не ушагала вперед.

– Почему нет? Тридцать процентов студентов у нас – иностранцы.

– Все-таки что самое сложное? – продолжал он. – Особенно поначалу, для первокурсника? Освоиться в коллективе? Темп учебы?

– Не рухнуть с копыт, – вздохнул я. – Если честно. Самое сложное – не рухнуть с копыт, потребляя спиртное в таком количестве. Так что подумайте еще, стоит ли оно того.

– Ух, – удивился он. – И что, правда столько пьют?

– Мистер Кокрейн, для андергредов⁴⁴ пьянка – дело чести и традиция. Знаете, что такое «переползание»?

– Н-нет, наверное, – неуверенно предположил он.

– Ну так, может, лучше вам и не знать. Это когда напиваются так, что буквально переползают из паба в паб. Это бывает забавно после официальной вечеринки с обязательным дресс-кодом – смокинг и галстук-бабочка. И пьяные девушки в боа и вечерних платьях, ковыляющие на каблуках по брусчатке.

– Это тоже традиция?

– Своего рода, – усмехнулся я.

– Вы, англичане, странный народ.

⁴³ Генрих I Боклерк, король Англии и герцог Нормандии (1106–1135).

⁴⁴ Андергреды (сленг) – undergraduate students – студенты, которые еще не получили диплом бакалавра.

– Англичане странный народ, – сказал я. – Но мы, шотландцы, как говорят, народ еще более странный.

– Черт! Извините. Я ведь и сам шотландец, по крайней мере мой дед. Но я совсем забыл, что...

– Извинение принято.

На самом деле, конечно, по большей части только делают вид, что пьют: учебу-то никто не отменял. Хочешь не хочешь, а разобрать все заданные материалы и написать по ним два-три эссе в неделю ты обязан, и твое якобы свободное время в основном уходит на это. Ну и лекции, семинары, классы, обсуждения с тьютором, подготовки к докладам.

Я все это рассказал, чтобы его утешить.

– Больше всего «свеженькие» пьют в первые две недели, – объяснил я. – Особенно ученики частных закрытых школ... Их держат в такой жесткой узде, что, вырвавшись на свободу, они совершенно теряют над собой контроль.

– Свеженькие?

– Ну да, так называют первокурсников. В первые две недели занятий пьяная драка – обычное дело для них. Бармаглоту разбили башку. Но ничего страшного, в общем-то, он остался жив и идиотом не стал.

– Бармаглоту?

– Ну Чарльзу, да. Это мой друг.

– И часто вы с... Бармаглотом ходите на вечеринки, Уолден?

– Раз в неделю, по пятницам, бывает официальный ужин вместе с преподами. Туда мы, как правило, ходим. Иногда можно и пропустить, но часто этого делать не стоит, социализация – важная вещь, ей уделяют много внимания. К тому же кормят там хорошо и поят тоже неплохо. После официального ужина студенты часто устраивают вторую вечеринку, повеселее. Кроме того, бывают же и всякие другие встречи и сборища. Есть умельцы, которые ходят по пять раз в неделю или даже чаще. Я бы не выдержал. Но по-любому на втором курсе уже не бухают так, как на первом. В этом деле главное – не перегибать палку. Иначе можно допрыгаться до того, что все-таки отчислят.

Я обернулся к Кокрейну, чтобы видеть его лицо. Он улыбнулся мне. Боб спокойно шагнул себе по тропинке. Позади верхом на Розе покачивалась миссис Кокрейн.

Снег почти растаял, повсюду выглядывали островки зеленой травы. В мокром лесу все краски были яркие, только озеро темнело, чуть подернутое молочной мутью. Елки, лиственницы и сосны замерли – день был безветренный, ни одна ветвь не шелохнется, и с каждой иголки свисает серебристая капля.

– А мы поедем рысью? – спросила Мейзи, заметив, что я смотрю на нее.

– Вы полагаете, вашему мужу это будет приятно?

– Должен же он когда-нибудь научиться. Джон?

– Что я должен делать, дорогая?

– Вы умеете облеγχаться? – спросил я.

Он уставился на меня с изумлением.

– В каком смысле?

– Не в том, что вы подумали. Упираетесь коленями в седло и на каждый сильный толчок лошади через такт приподнимаете задницу. Спина прямая, пятку тянете вниз.

– Как вы сказали, Уолден? Коленями в седло? Правда?

– Да нет, мистер Кокрейн. Не встать в седле на колени! Мы с вами не в цирке. Просто плотно прижмите колени к седлу, выберите повод на себя и посылайте лошаадь.

– Куда?

Мейзи расхохоталась.

– Не куда, а шенкелем. – Я изо всех сил старался сохранить серьезное выражение лица.

– Чем?

– Внутренней частью голени... Впрочем, ладно. Просто пятками ударьте его в бока.

– Э-э-э... – Джон смотрел на меня с недоумением. – А если я сделаю ему больно?

– Не сделаете.

– Точно?

– Факт, – сказал я. – Это язык, на котором разговаривают с лошадьё. Вы высылаете ее шенкелем, и она идет быстрее. Вот, смотрите.

И я выслал Трикси вперед.

Я сделал это очень мягко. Очевидно, Трикси просто думала о чем-то своем. Мы так долго и медленно брели вдоль озера, стояла влажная, сонная погода, давление низкое, возможно, кобыла задремала на ходу, а я ее разбудил. Может быть, ей снился славный сон: кормушка, полная свежего сена, жеребенок под брюхом, летний луг – мало ли что может сниться лошади. Но только я тронул ее бока, как она дернулась, всхрапнула и выдала классическую свечку. О-па!

Кокрейны ахнули.

– Все в порядке, – заверил я.

Не знаю, насколько мои слова их убедили.

Трикси свечканула еще дважды, напоследок решила поддать задом. Боб прынул в сторону – испугался, что достанется и ему.

– Черт! – завопил Джон. Он удержался в седле, я зачел это ему в серьезный плюс.

– Держите повод! – крикнул я. – И вы, Мейзи. Не отпускайте. Сейчас Трикси успокоится, и мы пойдем дальше. Мистер Кокрейн, из вас получится хороший всадник.

– Да? – засомневался он. – Почему вы так думаете?

– Потому что вы закричали «черт!», а не стали звать маму.

– Э-э-э... И что это означает?

– Так говорил мой тренер по конкуру. Если мужчина вспоминает свою маму – грош ему цена как всаднику. Если маму лошади – есть надежда.

Мейзи смеялась не переставая.

– Джон! Я, пожалуй, запишусь в школу верховой езды, когда мы вернемся. И тебя запишу.

– Не поздно ли мне начинать?

– Никогда не поздно, – проговорил я назидательно.

– А можно я пока что не буду его никуда посылать? – спросил Кокрейн, задумчиво изучая уши Боба.

Так длился этот день – не спеша. Мы отшагали пару часов и вернулись. Мейзи была очень довольна и все время смеялась. Джон выглядел слегка смущенным, но дед позвал его в гостиную, они открыли новую бутылку виски, и он снова развеселился. Спустились Дуг и Марта, мы все выпили за их путешествие, за процветание клана Мак-Грегоров, бизнеса Кокрейнов, за мои успехи в учебе. Потом еще за что-то выпили.

Ближе к вечеру Дуглас вызвал такси из Стерлинга. Где-то через час мы простились. Я ходил отбивать денники⁴⁵, покормил лошадей и пони, потом прошелся по берегу. Сумерки постепенно сгущались над озером, и туман становился все плотнее. Силуэты деревьев на дальнем берегу таяли, таяли, растворялись в его пелене, кусты казались темными гнездами, кото-

⁴⁵ Отбивка денников – основательная чистка денника с заменой опилок.

рые туман выстлал своим пухом, чтобы вывести таинственных серых птенцов. Подошвы моих резиновых сапог глубоко погружались в топкий, глинистый бережок, в плотный слой прелой листвы и опавшей хвои. Было очень тихо. Вот плеснула хвостом рыба в заводи. Вот крикнула сова, потом еще раз и еще.

Я стоял и не шевелился. К ночи подморозило, в воздухе ощущалась колючая ледяная промозглость. Заиндевевшая трава хрустела под подошвами. На мне были ветровка и кусачий моряцкий свитер, но руки стыли, я сунул их в карманы, спрятал нос в шарф. Великий сон моего детства: по склону холма с северной стороны медленно спускается всадник на сером коне. Я вижу, как колышется его плащ, вплетая складки в паутинную пелену тумана, как плавно шевелится флажок на древке копья. Ничего не исчезает и не уходит. В детстве я шептал ему: «Кто ты?», а он не отвечал. Сегодня я не стал спрашивать: зачем, когда теперь я и так почти все о нем знаю.

С пыхтеньем, шлепая лапами по грязи, из тумана внезапно выбежал ко мне Оскар. Горячо задышал в колено, завилял хвостом.

– Ладно, – сказал я ему. – Пойдем, раз ты просишь.

Он побежал по берегу вверх, исчез в серой пелене, уже такой густой, что в четырех шагах все было залито ее мутной взвесью. Лес нависал надо мною, туман запутался в темных кронах, становился все плотнее, сделался почти осязаемым. Дед говорил мне когда-то, что его дед рассказывал ему, будто здешние фейри с помощью такого тумана уносят к себе заблудившихся путников. Сгустится сырая серая пелена над головой, а когда рассеется – человек, что шел с тобою рядом, исчез. И следов не отыскать.

Впереди в темноте сквозь призраки веток расплывалось мутное пятно желтого света. Я шел к нему, и постепенно оно обретало очертания. Электрический свет мягко лился из окна, освещал ограду, стену гаража, узлы стеблей плетистой розы, что льнули к каменной кладке. Клубящийся у окна туман, желтый снизу, пронзен был сверху лазоревой синевой прозрачных крыльев и ярким оранжевым пятном брюшка. Глаз птицы зорко смотрел вперед. Это светилось витражное окно библиотеки – видимо, дед сел там поработать или снова привел туда чету Кокрейнов и режется с Джоном в шахматы. Витраж прямо сиял навстречу мне. «Что вы делаете в глухую ночь на этой дороге, милорд?» – «Подскажи мне дорогу к замку Корбеник, добрый человек». – «К замку Корбеник? О милорд! Не всякий способен проделать этот путь!»

Ну, допустим, и верно, не всякий. Но я-то точно смогу. Я так думаю. Вот он, зимородок, король-рыбак, летит сквозь туман, указывает, куда идти, будто я и в самом деле одинокий странник, заплутавший в ночи.

После ужина я надолго задержался в библиотеке, проверял дедову почту, переписку на сайте музея и отцову деловую переписку, которую он просил меня посмотреть. Уже совсем закончил и хотел выключить компьютер, как вдруг вспомнил о своем письме Лукасу и зашел к себе в ящик.

Лукас ответил.

«С Рождеством! Слушай, что это такое ты написал мне? Мне жаль, но я ничего не понял. Это какой-то Исаак родил Исава, и слов слишком много. Здесь тепло, прикинь, даже жарко. Сегодня мы купались в море, и я хожу в шортах. Мама и Майкл тоже просили передать тебе привет и свои поздравления. И еще, самое главное, – здесь пирамиды! Хочешь, я тебе пришлю фотки, я нашелкал на телефон?»

Я вздохнул. Подумал несколько секунд, написал «Хочу» и отправил.

8 глава

*Если старый знакомый будет забыт,
То о нем никогда не вспомнят.
Если старый знакомый будет забыт —
Старое доброе время тоже.*

*За старое доброе время, мой дорогой,
За старое доброе время.
Мы еще поднимем бокал доброты
За старое доброе время,
За старое доброе время.*

«Аулд ланг шайн». Старинная шотландская новогодняя песня. В 1788 году была переведена Робертом Бернсом с языка скоттиш⁴⁶ на английский. Автор перевода на русский неизвестен.

Снег растаял везде, кроме ложбин и оврагов. Дальние горы, озеро и лес каждое утро просыпались, окутанные туманом, таким густым, что казалось, можно его резать ножом или катать из него шары. К полудню он слегка рассеивался и на небосводе выплывал бледный кружок, напоминавший о том, что солнце все же существует.

Тридцать первого с утра мы с дедом прошлись вдоль озера. Дорога была видна впереди шагов на пять. Над озером туман стоял особенно густо: горы, холмы и противоположный берег будто слизнули белым языком. Туман усиливал запахи, но поглощал звуки. Плеск рыбы в озере, пересвистывание корольков в лесу, протяжный крик желны, дальний вороний грай — все казалось слегка приглушенным. На этом фоне собственный голос звучал преувеличенно громко, поэтому, если мы с дедом решали обменяться парой фраз, инстинктивно переходили почти на шепот.

Едва сойдешь с тропинки, как топкий берег пытается отнять твои сапоги, ноги скользят по влажной глине. Постепенно на подошвах вырастает тяжелый воротник и идти становится совсем уж тяжело, точно колодки тебе набили, как каторжному.

⁴⁶ Скоттиш (Scottish) — шотландский диалект на основе английского языка.

Мы шагали молча, вдруг Оскар встал как вкопанный и коротко взвыл. И тут же, с хрустом проломив кусты, перед самым моим носом выскочил здоровенный олень, молодой взрослый самец. Мы оба замерли – и он, и я, глядя друг другу в глаза. Шерсть на его боках намочла и свалаялась, влажные ноздри шевелились. Он смотрел на меня не моргая, как мне казалось, целую вечность, и я смотрел на него как замороженный. А потом он вдруг мотнул головой и исчез в тумане, как и появился – только треск прошел по кустам. И сразу же следом за ним, но не так близко пробежали две самки и подросток сеголеток⁴⁷. В тумане видны были только смутные их силуэты.

– Ого! – сказал я.

– Хм. Такого в городе-то не увидишь!

– Такое и тут не часто увидишь.

И джинсы, и свитер за время прогулки пропитались влагой. Мы повернули к дому – теперь дед впереди, а я следом. Он шагал неторопливо, поглядывая по сторонам, иногда покашливал или трепал Оскара по голове. По дороге я нарубил рябиновых и можжевельных веток, дома оставил их на кухне у плиты, чтобы просохли. Сейчас тут хозяйничала Эви с дочкой. Эви приготовила свой знаменитый фруктовый кекс с орехами, который она всегда пекла к Новому году, ну и они обе настряпали столько всего, что и семерым за неделю не съесть.

К вечеру подморозило, все покрылось тонкой коркой льда. Я вышел принести дров и чуть не навернулся у крыльца. Ледяной ветер ломился в окна, сбивал ветки с деревьев, сорвал все листья, которые еще оставались на яблонях, разнес туман в клочья. Я вернулся в дом с охапкой и, пока Эви накрывала на стол, затопил камин в гостиной.

Конечно же, дед не лег в одиннадцать, как грозился. Мы расселись за столом. Огонь в камине весело трещал, пахло можжевельным дымком, горячие отблески плясали на стенках внутри камина, на полу. Северный ветер порой залетал в трубу, выл, и тогда всполохи становились ярче и тени начинали плясать по стенам.

На столе также горели свечи, была куча самой разной еды, и хотя я весь день таскал что-нибудь – то яблоко, то кусок пирога, почему-то снова был жутко голоден.

За столом кроме нас с дедом были Эви, а также ее муж и дочка. Муж Эви, Бриан, славный человек, грузный, совершенно лысый. Дочь Китти – уже не очень молодая девушка, лет тридцати пяти, рыжеватая. У нее была такая улыбка, будто она ее стеснялась. Точно кто-то имел что-то против того, чтобы она улыбалась. И если я встречался с ней взглядом, она моментально отводила глаза. Почему-то в своих историях я определил ей место горничной королевы. «Проходите, милорд, королева ждет вас», – и опустила взгляд. Это идеально бы ей подошло.

Мы подняли тост за удачу в новом году для всех нас, а потом налегли на еду. Я наконец объелся так, что на съестное уже смотреть не мог. Эви, ее муж и Алистер выпили еще виски и стали петь. И я тоже пел «За старое доброе время» и другие песни. Страшно клонило в сон – наверное, потому, что накануне я проснулся раньше обычного. Тут Эви встала и включила телевизор, и я решил, что этого мне точно уже не пережить, попрощался со всеми и сбежал в свою комнату, а они остались смотреть новогоднее поздравление премьер-министра Шотландии и репортаж из Эдинбурга, где в это время буянили на улицах Лиам и другие мои дружки.

Ну да, если честно, празднование Нового года тут у нас, в Королевской Рыбалке, не сказать, что огонь. В следующий раз, может быть, я и уеду в Эдинбург махать факелом и орать «Хогманей» и «Свободная Шотландия!», посмотрим. Как-то мне этого все же не хватает.

⁴⁷ Сеголеток – олененок, рожденный в этом году.

Я лежал на кровати, теперь мне почему-то не спалось. В комнате было холодно, электрокамин работал, но толку от него было мало. Я решил затопить маленькую железную печку. Поначалу она жутко дымила, так что пришлось поднять створку окна, чтобы проветрить. Теплее от этого не стало. Потом дрова разгорелись, печка загудела, дым пошел в дымоход. Я завернулся в плед, сел перед самой печкой, приставил к ней ладони. Вот так здесь же, может, в этой самой комнате сидел Рональд Мак-Грегор и грелся от жаровни, полной углей... Или мой Одинокый Рыцарь. В его времена таких печей еще не было, но я все равно еще немного поиграл в него. Как он приехал и вошел в тот трактор. Я открыл печную дверцу, представил себе, как он сидит у очага, как в горячем воздухе постепенно согреваются его окоченевшие в дороге руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.